

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Андрей Васильевич Каменский
Даниель Дефо. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк А. В. Каменского

С портретом Даниеля Дефо, гравированным в Лейпциге Геданом

Предисловие

И в наши дни путь писателя не всегда усеян розами; но в старые времена это была одна из самых тяжелых и опасных профессий, что отчасти подтверждается и длинным скорбным перечнем книг, написанных в тюрьме, между авторами которых встречаются такие великие имена, как Сервантес, Вольтер, Дефо и другие.

В славный век великой Елизаветы английской писателю, чем-либо оскорбившему королеву или кого-либо из ее администрации, попросту отрубали руки, прокалывали язык и даже совсем снимали голову. В царствование Анны нравы смягчились; но и тут автору не понравившегося правительству сочинения, особенно по вопросам внутренней политики или богословия, грозили позорный столб, тюрьма и, в лучшем случае, разорительные штрафы.

Даниель Дефо, которому посвящается наш очерк, жил именно в такое бурное время, когда к провинившимся писателям применялись весьма строгие карательные меры. Ему пришлось испытать и тюрьму, и позорный столб, и разорение; но, несмотря на гонения, нищету и всякие бедствия, этот сильный духом и необычайно энергичный человек никогда не изменял своим убеждениям и до самого конца продолжал бороться с пером в руках за те идеи, которые позже вошли в жизнь и сделались одним из самых дорогих достояний его народа.

Все знают Даниеля Дефо как автора знаменитой повести *«Робинзон Крузо»*, переведенной и переделанной на всевозможные языки; но весьма немногим даже и на его родине известно, что он был прежде всего одним из самых выдающихся политических писателей и общественных деятелей Англии в то смутное время (с конца XVII до середины XVIII столетия), когда закладывались прочные основы ее будущих свободных учреждений. В этот период всеобщей распущенности личность Даниеля Дефо выдается и по своим высоким нравственным качествам. Это был безукоризненно честный человек, неутомимый литературный работник и хороший семьянин; но ему выпала горькая доля, и почти вся его долгая жизнь, особенно ее последние годы, представляется одним почти непрерывным рядом всяких невзгод и гонений.

О частной жизни Дефо мы имеем весьма скудные сведения: даже неизвестен точный год его рождения, и только с появлением в 1869 году превосходной биографии (The life of Defoe and his recently discovered

Writings by W. Lee), автор которой бросил совершенно новый свет на последние пятнадцать лет его жизни и открыл множество неизвестных его сочинений, мы получили возможность ближе познакомиться с характером и деятельностью этого замечательного человека и почти беспримерного литературного труженика.

В предисловии к вышеупомянутой биографии Ли выражает сожаление, что такой удивительный рассказчик, как Дефо, который очаровывает нас реальной правдой своих описаний, не оставил потомству своей автобиографии.

Как видно из некоторых мест в первом и втором томах «Истории приключений Робинзона Крузо», Дефо, когда ему было уже шестьдесят лет, предполагал сделать нечто подобное в третьем, малоизвестном, томе той же книги, изданном им в 1720 году под названием «Нравственные размышления Робинзона Крузо». Но он оставил эту идею и в предисловии к этому тому говорит: «Испытав всякое насилие, гнет, поругание и презрение людское… узнав и кару неба, и гнев людей и испытав всевозможные превратности судьбы… я нашел, что оправдание от взводимых на меня обвинений будет в то же время обвинением моего века». Далее Дефо говорит, что те нравственные уроки, которые можно было бы почерпнуть из его полной событиями жизни, читатель с большею пользою для себя извлечет из повести о Робинзоне Крузо.

Кроме биографии Ли, послужившей главным источником при составлении этого очерка, автор его пользовался «Историей английской литературы» Тэна, «Словарем национальной биографии» Л. Стивена (A dictionary of National biography de L. Stephen), «Историей английского народа» Грина (A Short History of the English people de J. Grin) и статьями о Дефо в разных английских журналах.

Как на лучшие сочинения для ознакомления с тем историческим периодом, когда жил и действовал Дефо, можно указать на известную «Историю Англии» Маколея, переведенную на русский язык, и на его же превосходные критические этюды: «Бэньян», «Мильтон», «Сэр Вильям Темпль» и другие, также давно переведенные.

Глава I. Детство и школа (1661—1680)

Рождение Дефо. – Его семья. – Гонение диссентеров при Карле П. – Окончательный раскол церкви. – Судьбы пуританства. – Первый воспитатель Дефо. – Период реставрации. – Характеристика Карла II. – Общественный разврат. – Пуританская семья. – Детство. – Школа. – Академия в Нъюингтоне. – Образованность Дефо. – Влияние домашнего воспитания на его последующую жизнь. – Конец школьного образования.

Даниель Дефо родился в Лондоне в 1661 году – через три года после смерти Кромвеля и в первый год реставрации Карла II. Отец его был богатый мясник и известный *диссидент* (dissenter), то есть член свободной религиозной общины пуритан, не признававшей государственной епископальной церкви, и пользовался большим уважением между своими единоверцами как честный, религиозный человек, готовый постоять за свои убеждения; он умер в преклонном возрасте в 1706 или 1707 году. Хотя Даниель Дефо, видимо, относился с полным равнодушием к своему происхождению и редко упоминает о своих родичах, но известно, что он был потомок коренных английских земледельцев-собственников (yeomen): дед его владел небольшою фермою в *Норгемптоншире*. Этим ограничивается все, что мы знаем о его предках, и никаких сведений о матери, братьях и других членах его семьи не сохранилось.

Детство и юность Дефо совпадают с временем возвращения Стюартов в Англию и периодом всеобщей реакции, небывалого общественного разврата и гонений на пуритан, начавшихся уже через год после вступления на престол Карла II. В 1661 году, несмотря даже на сопротивление самых преданных ему людей, король настоял на утверждении парламентом закона о церковном *единстве* (uniformity act), которым все пуританские священники, составлявшие тогда большинство, обязывались подчиниться, соблюдать все формы богослужения епископальной церкви и, самое важное, принять епископское рукоположение. С истечением последнего срока, назначенного правительством на памятный *Варфоломеев день* (24 августа), были изгнаны из церквей и своих приходов до двух тысяч священников (то есть почти пятая часть всего английского духовенства), не захотевших подчиняться новому закону. Никогда еще такой внезапной крутой меры не практиковалось в английской церкви. Громадный переворот, вызванный

Реформацией в прошлом столетии, сопровождался сравнительно небольшими изменениями в личном составе английского духовенства. Даже всемогущий Синод (Ecclesiastical commision), учрежденный в 1583 году Елизаветой для противодействия кальвинизму и действовавший с таким неограниченным произволом во всех религиозных вопросах, касающихся свободы совести, отрешил всего несколько сот священников. Знаменитый архиепископ Лод, при Карле I накинувшийся, в порыве своей преданности государю и церкви, с такою свирепостью на пуританское духовенство, все же не мог многого сделать, встретив непреодолимое препятствие на своем пути в ограничениях закона и в распространении *пуританских* стремлений в массе народа. Более значительные изменения в составе духовенства произошли во время следовавшей затем междоусобной войны, завершившейся гибелью Карла I; но эти перемены совершились постепенно, и в основании их скорее лежали политические, чем религиозные причины. Большинство священников было отрешено Кромвелем и за их его сподвижниками за их преданность королю или за их безнравственность, праздность и невежество. Переворот же, сделанный в день св. Варфоломея, имел чисто религиозный характер и являлся беспримерным по своей неожиданности и всеобъемлющему влиянию. В числе изгнанных оказались самые искренние, талантливые и образованные представители английского духовенства. Они находились во главе больших приходов и занимали университетские кафедры. За ними стояла лучшая часть приходских священников, более всех поработавшая среди городского люда и способствовавшая пробуждению в нем небывалого доселе благочестия и нравственного чувства. Англиканская церковь в лице пуританского духовенства с его паствою теперь добровольно отсекала от себя свою лучшую часть и с тех пор сделалась изолированною среди западноевропейского протестантства. Изгнанная из лона церкви вместе со своими пастырями самая работящая, свободолюбивая и нравственная часть городского населения образовала независимые религиозные общины, поставив во главе их своих прежних священников. Под общим именем *нонконформистов*, или *неподчинившихся*, они соединились с другими, более крайними, религиозными сектами (индепендентов, или независимых, квакеров и так далее), отделившимися от государственной церкви еще во времена религиозных гонений Елизаветы, и образовали могущественную народную партию, проникнутую духом религиозной и политической свободы и лучшими преданиями пуританства.

В числе отрешенных священников был и пастор Самюэль Энсли. Прежние прихожане – в том числе пользовавшийся влиянием отец Дефо –

поставили его во главе свободной религиозной общины, или *конгрегации*, в Бишопс-гет-стрит, где была устроена их молельня. По отзывам, встречающимся в сочинениях Дефо, Энсли являлся благочестивым, высокообразованным человеком, пользовавшимся большим уважением своей паствы; он был очень близок с семейством отца Дефо и имел большое влияние на воспитание мальчика, сохранившего о нем самые лучшие воспоминания, о чем можно судить по длинной *элегии* на смерть друга и воспитателя, изданной Дефо в 1697 году. Вильсон в своей старинной многотомной биографии Дефо предполагает даже, что последний был женат на одной из дочерей Энсли.

Пуританское движение, возникшее при Елизавете, охватившее затем, во время борьбы парламента с Карлом I, все классы английского общества и сделавшееся господствующим направлением в стране при Кромвеле, теперь уступило место той реакции и распущенности нравов, которые характеризуют царствование Карла II, признаваемое во всех отношениях за самый развратный период в английской истории. Всякое чувство законности, всякое сознание личных прав и политической свободы, отвоеванное народом ценою стольких жертв, самые элементарные понятия о нравственности – казалось, все это погибло безвозвратно.

На престоле сидел, по-видимому, добродушный roue[1] и праздный сластолюбец, неспособный ни к какой деятельности, лишенный всякого таланта государственного управления, хотя бы и направленного к уничтожению завоеванных народом политических прав. Он, по-видимому, был занят только своими удовольствиями и бесчисленными любовницами, из которых наделал герцогинь, сделавшихся родоначальницами многих из самых аристократических семейств нынешней Англии. Трудно было поверить, чтобы этот легкомысленный весельчак, неспособный ни к какому делу, со своими вечными bon-mots[2], этот циник, надо всем смеявшийся, – в истории сохранилось его народное прозвище: *веселый король* (the merry king) – мог иметь какие-нибудь серьезные поползновения на английскую свободу. Но в этой обманчивой внешности заключалась главная сила нового короля. При всей своей наружной пустоте, ветрености и праздности Карл II не был лишен дарований, хитрости и известной доли упрямства в преследовании своих целей. Он с усмешкой относился к убеждению своего отца в «божественном праве королей» и не желал разыгрывать многотрудную теперь роль автократического владыки (он был слишком ленив для этого) со всеми наружными атрибутами полновластия. Он сказал как-то лорду Эссексу, что не желает походить на Великого

Могола, окруженного толпою бессловесных рабов, готовых задушить шнурком каждого по мановению его руки; но он не мог признавать себя королем, пока всякой челяди было доступно критиковать его действия или его министров и поверять его счета. По его мнению, «король, распоряжения которого можно приостановить или министров которого потребовать к ответу, – король по названию только». Он не имел определенного плана тирании, подобно его отцу, но был намерен действовать самостоятельно, насколько это позволяли обстоятельства, и во все свое царствование никогда не упускал из виду этой цели. Поэтому все его действия в этом направлении представляются какими-то случайными попытками, не связанными никакою общею мыслью и от которых он отказывался при первом проявлении решительного отпора со стороны парламента или народа. Если общество было сильно вооружено против его министров, он сменял их. Под давлением партии он кассировал через несколько месяцев после появления свою же прокламацию о свободе вероисповедания (1772 год). Когда в народе распространились пущенные разными проходимцами и шпионами ложные слухи о существовании католических заговоров, Карл II отдал в жертву обезумевшей толпе множество невинных людей, пока религиозные страсти ее не были удовлетворены. Он легко подчинялся требованиям партии или толпы, когда за ними стояла сила, и так же легко, при первом удобном случае, возобновлял свои неудавшиеся попытки.

Кроме своего прирожденного стремления к самовластию, свойственного всему дому Стюартов, Карл II был в душе предан католицизму, и возрождение его в протестантской Англии было, может быть, единственною определенною идеей, которой он скрыто держался всю свою жизнь. Но надо всем этим царила одна преобладающая мысль: он не желал, говоря его собственными словами, «опять поехать в путешествие». Отец его погиб в борьбе с парламентом, и Карл II твердо решился жить в мире с ним, пока не будет опираться на достаточную силу[3] и пока не представится удобный случай затеять ссору с надеждою на успех. Такой случай представился вскоре после падения министра Шэфтсбери, может быть, единственного талантливого человека, сколько-нибудь отстаивавшего народные интересы, посреди шайки продажуых креатур, окружавших Карла II, когда он был в ореоле народной популярности, напоминавшей первый год его возвращения, и когда всю Англию охватил небывалый порыв преданности престолу. Но, к счастью для страны, Карл II умер как раз в этот год (1685), когда преданная толпа окружила дворец и у его смертного одра собрались только что обманутые

им протестантские епископы, просившие его благословения как главы англиканской церкви. Вслед за выходом их из королевской спальни туда тайно был проведен случившийся во дворце патер Гедльстон, который исповедал короля и причастил по католическому обряду. Последние минуты этого замечательного циника и обманщика, продававшего за деньги самые дорогие интересы своего народа, также довольно характерны. В своих предсмертных страданиях он просил извинения у окружающих за то, что «так долго возится со смертью». Одна из его любовниц, герцогиня Портсмутская, склонилась вся в слезах над его подушкой. Он думал в это время о другой своей фаворитке. «Позаботься, – прошептал он своему брату и преемнику, – чтобы бедная Нелли не умерла с голоду».

Детство и юность Дефо совпали с этим периодом разгрома пуританизма и торжества самой беззастенчивой реакции. Под общим названием *нонконформистов* (неподчиняющихся), или *диссентеров* (несогласных), соединилось теперь множество людей искренно религиозных, хотя и разных оттенков мысли, проникнутых идеями свободы и равенства и стремившихся к общему идеалу нравственного совершенства. Громадная социальная революция, пережитая народом во время междоусобной войны и протектората Кромвеля, оставила неизгладимые следы в лучшей части нации. Библия стала настольной книгой в самом бедном семействе городского ремесленника; влияние ее было громадно, и она более всего способствовала перерождению низших классов народа.

С детства Дефо был воспитан в строго религиозном направлении; но родители его были чужды того религиозного аскетизма и узости понятий, часто переходящей в ханжество, которые зачастую встречались между пуританами. Широкие христианские взгляды, отличавшие Дефо впоследствии, его терпимость и стремление, чтобы религиозные вопросы не были вечным поводом к борьбе и раздорам, вполне подтверждают это. Из разных отрывков и случайных намеков, встречающихся в его сочинениях, видно, что в детстве Дефо был бодрый, веселый мальчик и что его не стесняли и позволяли вволю играть со сверстниками. В одной своей статье он, между прочим, говорит: «От товарища мальчика, во время драки на кулачках, я узнал, что никогда не следует бить лежачего». Между английскими *диссидентами* того времени было в обычае делать рукописные копии с Библии, и молодой Дефо предпринял этот труд, причем, по его собственному выражению, «работал как вол»; но, переписав *пятикнижие Моисеево*, он не имел сил продолжать долее и принужден был

оставить эту добровольно принятую на себя обязанность. Хотя из Дефо и не вышел строгий пуританин, но автор «Робинзона» любил Библию, которая (как то видно из его сочинений) навсегда осталась путеводителем его жизни. Здоровое, бодрое направление его таланта, твердость в убеждениях и та непреклонная честность, которые отличали его в продолжение его жизни, без сомнения, были привиты ему домашним воспитанием.

Родители предназначали Дефо к духовному званию и, по совету его первого наставника Самюэля Энсли, четырнадцати лет отдали мальчика в школу, или учебную академию, в Ньюингтоне (Newington Academy), которую держал некто Чарльз Мортон, также изгнанный пастор англиканской церкви. Здесь готовились преимущественно сектантские священники, и Дефо всегда вспоминал с самым теплым чувством об этой школе, давшей ему много полезных реальных знаний, которые так пригодились ему впоследствии и которые едва ли он мог приобрести в других учебных заведениях того времени, пользовавшихся правительственной поддержкой, где почти весь курс сосредоточивался на изучении древних языков. Ньюингтонская школа резко выдавалась между ними по своему, так сказать, реальному, жизненному направлению. Здесь главное внимание было обращено на изучение родного языка, на котором преподавались не только все другие науки, но даже философия и богословие, и здесь, без сомнения, Дефо научился владеть в совершенстве тем живым, картинным и, в лучшем смысле слова, народным языком, которым написан «Робинзон Крузо» и другие его произведения. Кроме своего родного, он знал латинский и греческий языки и бойко говорил по-французски. Он имел сведения из математики, знал хорошо историю и географию и был прекрасно знаком с промышленным и экономическим положением разных стран. Из этого видно, что Дефо обладал обширным по тому времени образованием, и Свифт, хотя и превосходивший его блеском своего таланта, не имел никакого права называть его в одной из своих полемических статей *безграмотным писакой.* Готовясь к духовной карьере, Дефо прошел и обычный курс философских наук и богословия; но в конце своих занятий в Ньюингтонской академии он отказался от мысли сделаться священником. Положение сектантского пастора было в то время шатким и часто унизительным. Многие из предназначавшихся к этой карьере молодых людей ни по своим нравственным данным, ни по своему образованию не были пригодны к той обязанности, которую они на себя принимали; многие смотрели на нее только как на способ добывать средства к существованию, правда, весьма жалкому и плохо

обеспеченному. Вообще Дефо, как то видно из разных мест в его сочинениях, был довольно невысокого мнения о современном духовенстве. Еще в юные годы научившись уважать добросовестность и строго относиться к своим поступкам, он решился, не дожидаясь окончания курса, отказаться от той карьеры, к которой его предназначали, и остальное время в школе, где ему пришлось пробыть пять лет (обыкновенный курс продолжался три года), посвятил чтению.

Девятнадцати лет Дефо окончил свое школьное образование и по совету отца решил заняться коммерческим делом.

Глава II. Молодость и начало писательской деятельности (1680—1688)

Дефо в торговой конторе. – Кружок молодежи из диссентеров. – Собрания молодежи. – Участие в них Дефо. – Стремление к общественной деятельности. – Восстание Монмута. – Дефо в рядах его войска. – Дефо начинает самостоятельную торговлю. – Яков II и католическая реакция. – Декларация о веротерпимости. – Интрига двора. – Революция и изгнание Якова II. – Неудовольствие единоверцев Дефо. – Он временно оставляет литературу.

Дефо теперь было девятнадцать лет, и, прежде чем предоставить ему самостоятельное дело, что имел в виду его отец, он поместил сына для изучения бухгалтерии и торговой практики в контору оптовой чулочной фирмы, расположенной в лондонском *Сити* и имевшей сношения и за границей. Поэтому было бы ошибочно предполагать, что Дефо занимал здесь подчиненное положение наемного мелкого клерка или приказчика.

Свободное от своих торговых занятий время он проводил в обществе сочувствовавшей его взглядам молодежи из диссентеров, придерживавшейся такого же горячего направления в политике, как и он сам. Уже с этих пор Дефо встал на сторону народа в предстоящей политико-религиозной борьбе, и его выдающийся талант и энергия сразу выделили его среди его сверстников как поборника гражданской и религиозной свободы. Еще до вступления на престол Якова II протестантское большинство народа неоднократно возмущалось происками католической партии, которая, по-видимому, находила поддержку со стороны двора, правительства и даже представителей *высокой церкви* (Highchurch)[4], и в лондонском Сити между образованной молодежью купеческого класса, к которому принадлежал и Дефо, особенно было распространено чувство ненависти против всяких католических новшеств и покушений на личную свободу, сказывавшееся в постоянном брожении… Молодежь устраивала митинги для обсуждения всех главных вопросов государственной жизни того времени. Не сохранилось никаких сведений о характере этих митингов, но нужно полагать, что эти собрания начинались с чтения каких-нибудь мемуаров или записок, содержание которых обсуждалось потом присутствующими; по крайней мере предположение это находит поддержку в тех обстоятельствах, при которых

Дефо выступил впервые на авторское поприще. При этом следует помнить, что подобные собрания были сопряжены с немалым риском. Как уже говорилось, последние годы царствования Карла II грозили опасностями политической и религиозной свободе Англии. Парламенты не созывались; разные выборные корпорации были без всяких оснований лишены королем своих грамот, защищающих их права и вольности; лучшие люди и патриоты сплошь и рядом погибали на виселице и эшафоте, и всякие собрания для обсуждения вопросов, касающихся народной и государственной жизни страны, строго преследовались и были подведены под рубрику «заговоров против прерогатив короны», за которые грозила смертная казнь.

Период ученичества Дефо в торговом доме в Сити окончился в начале 1685 года – почти одновременно со смертью Карла II и вступлением на престол его брата. Это было начало той великой борьбы, в которой суждено было принять участие и молодому Дефо, – борьбы, завершившейся изгнанием Стюартов и окончательным торжеством протестантизма и парламента, или так называемой *революцией*, принципам которой, как известно, Дефо оставался верен всю свою жизнь.

В своих первых словах, произнесенных тотчас по вступлении на престол, Яков II дал торжественное обещание свято хранить законы и поддерживать господствующую церковь. Обещание это было принято с восторгом по всей стране, и в ответ на него посыпались адреса с выражением верноподданнических чувств и самой горячей преданности престолу. Опираясь на такие патриотические чувства своего народа, Яков II противозаконно захватил в свои руки таможенные доходы и суммы от акцизного сбора и в первое же воскресенье после своего вступления на престол публично отправился к католической обедне. Собравшийся вскоре после того покорный его воле парламент, избранный под влиянием первых обещаний короля, утвердил за ним пожизненно громадную сумму почти в 20 миллионов рублей – на его личное содержание, не выговорив при этом никаких гарантий (как обыкновенно водилось) того, что король будет хранить даже те основные законы, на которые опирались самые дорогие интересы нации, и ни одним словом не опротестовав уже сделанные им вопиющие нарушения этих законов. Глухой ропот недовольства распространился по всей стране и вылился вслед за тем в известное восстание Монмута.

У Карла II был побочный сын, герцог Монмут, прижитый им с некоей Луси Вальтерс; это был чрезвычайно красивый молодой человек с привлекательными открытыми манерами, к тому же протестант,

пользовавшийся большой популярностью среди народа. Многие даже считали его законным наследником покойного короля, и все недовольные элементы страны соединились около него и предложили ему стать во главе движения, направленного против папства и новой тирании. Эта попытка народного восстания окончилась так же быстро, как и началась. Отплыв из Голландии и в июне высадившись в приморском городке Лайм, Монмут с армией своих последователей был разбит королевскими войсками при Седжмуре и через месяц с небольшим сам был казнен на Тауэр-Хилл, в Лондоне.

Не в характере молодого Дефо было оставаться безучастным зрителем подобных событий, тем более что его занятия в торговой конторе в это время прекратились. Теперь религиозной и политической свободе страны угрожала опасность, от которой более всего должны были пострадать *диссентеры;* перед этим в лондонском Сити между его друзьями происходило сильное движение; он не захотел отстать от других, вооружился и стал под знамя герцога Монмута.

Впоследствии в своих сочинениях Дефо упоминает, что положение короля было тогда отчаянное и лишь по счастливой случайности его окончательно не разбили и не взяли в плен под Седжмуром. Но как бы там ни было, дело инсургентов было проиграно, армия их рассеяна, и последовали обычные в таких случаях репрессалии и казни. Только благодаря тому обстоятельству, что как лондонский уроженец Дефо был неизвестен в той местности, где происходило сражение, ему удалось добраться благополучно до Лондона; но трое из его друзей и однокашников по Мортоновской академии были схвачены и поплатились жизнью на эшафоте.

В том же году, вскоре после этого события, Дефо начал собственное дело, к которому он ранее готовился, и открыл оптовую чулочную торговлю в Корнхилле. Лавка под его фирмою существовала до 1694 года.

Успех в подавлении восстания окончательно опьянил Якова II, который действовал теперь совершенно открыто.

Все протестанты из числа офицеров армии были заменены католиками. Закон о *религиозной присяге*[5](Testact) совершенно игнорировался. Католические патеры и иезуиты выписывались из-за границы, повсюду отстраивались католические храмы, и в Рим был послан лорд Кастльмен, чтобы ходатайствовать перед папой о принятии Англии в лоно католической церкви. Не было недостатка и в таких лицах среди высшего духовенства англиканской церкви, которые проповедовали о полном подчинении воле короля как Божьего представителя на земле, ни

перед кем не ответственного в своих действиях. Дефо говорит по этому поводу в одном из своих последующих сочинений: «Мне приходилось слышать и такую проповедь, что если б королю потребовалась моя голова и он прислал за нею, то я должен покорно стоять, пока ее с меня снимают».

Подобные учения, вместе с его собственным религиозным фанатизмом, совершенно опьянили короля, так что когда парламент не согласился с его предложениями об увеличении постоянной армии и упразднении *религиозной присяги* для офицеров-католиков, он распустил его и решил в будущем управлять страной по своему личному усмотрению. Вслед за тем вышла декларация о допущении католиков в коллегию *Charterhouse* и в оба университета. Встретив наконец противодействие в этих нововведениях со стороны представителей англиканской церкви, он задумал привлечь на свою сторону *диссентеров*, уничтожив всякие религиозные ограничения в существующих законах, одинаково тяжелые как для них, так и для католиков, с тем чтобы потом подавить господствующую в Англии протестантскую церковь и ввести католичество. В апреле 1687 года явилась известная королевская *декларация* о прекращении действия всех карательных законов, касающихся вероисповедания. Дефо прекрасно понял уловку правительства, и это распоряжение стало поводом к его первому выступлению в печати. В апреле 1687 года вышел его памфлет под названием *«Письмо с рассуждениями о последней декларации его величества относительно свободы совести»*. Ему было в это время двадцать шесть лет. Этот небольшой и почти неизвестный памфлет характеризует Дефо как политического писателя и деятеля с самого начала его литературной карьеры и настолько обнаруживает ту честность и твердость характера и убеждений, то согласие между словом и делом, которыми он отличался во всю свою жизнь, что на нем стоит остановиться. Разгадав поистине иезуитскую хитрость Якова II, он не побоялся вооружить против себя своих друзей, восставая против меры, как будто клонившейся к облегчению их участи, но которая в действительности являлась одною из целого хитро задуманного ряда уловок, нужных для порабощения страны и восстановления царства католиков и иезуитов, орудием которых был новый король. Вот что говорит Дефо в этом замечательном памфлете: «Нет оснований верить, что даруемая нам веротерпимость имеет другую цель, кроме того чтобы поселить между нами рознь и усыпить нашу бдительность до тех пор, пока не наступит момент для подачи сигнала к нашему уничтожению… Еще недавно при дворе все говорили о поддержке государственной церкви и об искоренении

диссентеров… Теперь, по-видимому, все повернули в другую сторону». Далее он указывает, что королевская *декларация* о веротерпимости написана в таких неясных выражениях, что может быть истолкована различно и легко нарушена при первом удобном случае. «Я позволю себе сказать, – продолжает он, – что уничтожение лично королем одного из законов подрывает в корне всю нашу систему управления. Лорды и коммонеры (члены нижней палаты) настолько составляют ее часть, что нельзя установить новый закон или уничтожить старый без их согласия». Затем он добавляет в конце памфлета: «Если так скоро забывается коронационная клятва, то какое же значение можно придавать другим его обещаниям? Одним из прямых последствий этой *декларации* будет новый наплыв благодарственных адресов со всех концов страны; потому что нет пределов той низости и нахальному низкопоклонству, до которых может дойти лесть порабощенного ума». Эти смелые слова, хотя и согласные с духом английской конституции даже того времени, неминуемо привели бы автора на эшафот, если бы имя его было открыто.

Год спустя английский народ узнал, что за человек сидел на престоле. Нация с презрением отшатнулась от этого религиозного фанатика и поборника неограниченных королевских прав. Обманутый своими клевретами, брошенный друзьями и близкими, Яков II после непродолжительной борьбы вынужден был сойти со ступеней опозоренного им трона и искать себе убежища в чужой стране.

Из последующих сочинений Дефо видно, что этот памфлет, направленный против королевской *декларации*, возбудил против него в первое время сильное неудовольствие многих из его друзей, не понявших его намерений, что было для Дефо источником большого огорчения. Под влиянием этого чувства он на некоторое время оставил только что начатые им литературные занятия и предался исключительно своим торговым делам. В 1688 году имя его было вписано в число граждан-избирателей лондонского Сити, где он вел свою торговлю.

Глава III. Политический деятель (1689—1702)

Характеристика Дефо. – Плохой купец. – Начало царствования Вильгельма Оранского. – Его высадка в Англии. – Дефо в рядах его армии. – Парламентский акт о правах и провозглашение нового короля. – Торговые затруднения Дефо и банкротство. – Его честность. – Женитьба. – Тяжелое время. – Борьба парламентских партий. – Застой в делах. – Памфлет Дефо в пользу Вильгельма III. – Он обращает на себя внимание правительства. – Первые сношения с королем, его поддержка. – Дефо устраивает черепичный завод. – Его известность как писателя. – «Опыт о проектах». – Впереди своего века. – Его сатира «Чистопородный англичанин». – Ее громадный успех. – «Напоминание легиона». – Самоотвержение Дефо. – Памфлет «О верховных правах английского народа». – Дефо наверху своей славы. – Близость к королю. – Смерть Вильгельма III.

Нужно полагать, что торговля Дефо шла не особенно успешно, потому что при всяком событии в государственной жизни, затрагивавшем народные интересы, или когда грозила опасность политической и религиозной свободе нации, он бросал свою лавочку и, забывая о собственных делах, выступал в первых рядах общественных деятелей того времени. Дефо не думал при этом о грозивших ему опасностях и со всей силой своего таланта и непреклонной энергией отдавался служению тому делу, которое он считал правым. Хотя с тех пор прошло уже более двухсот лет, но личность этого человека во многом может служить примером для публицистов и общественных деятелей нашего времени.

Наступивший период царствования Вильгельма III Оранского, имевший такое значение в жизни Дефо, представляет, пожалуй, самую интересную и поучительную эпоху в истории Англии, когда выработались те главные политические основы, на которых держится ее современный государственный строй. Как уже было указано в предисловии, читатель может познакомиться с этим периодом при помощи блестящей книги Маколея, где как живой встает образ великого короля-молчальника, которого англичане недаром считают одним из главных устроителей своей конституционной свободы.

Как только пришло известие о высадке на берегах Англии Вильгельма

III, Дефо поспешил встать в ряды армии нового короля и вместе с ним вступил в Лондон в декабре 1688 года. В феврале следующего года депутация от обеих палат парламента представила в Уайтхолле Вильгельму и его жене Мэри (дочери бежавшего Якова II) так называемую *декларацию прав*, в которой перечислялись все злоупотребления Якова II, сделавшие необходимым его отречение от престола, и подтверждалось намерение обеих палат отстаивать все старинные права и вольности народа. *Декларация* отрицала право короля управлять страною без участия парламента или учреждать новые налоги и держать постоянную армию без согласия последнего. Она подтверждала права подданных на подачу коллективных жалоб и прошений, на свободный выбор их представителей в парламент и на открытый и милостивый суд. Она объявила также, что полная свобода прений составляет неоспоримое право обеих палат. В заключение ее Вильгельм и Мэри провозглашались совместными государями Англии. Вильгельм III от себя и от имени своей жены принял предлагаемую корону и выразил в нескольких словах свое решение твердо держаться существующих законов и управлять страною при содействии парламента.

В течение следующих за воцарением нового короля двух лет Дефо продолжал заниматься своим торговым делом, которое он расширил и перенес за пределы Англии, завязав коммерческие сношения с Испанией и Португалией. Как видно из его сочинений, эти дела заставили его посетить Испанию, где он прожил несколько времени, изучив при этом ее язык. Он описывает даже крушение в Бискайском заливе корабля, нагруженного и его товаром. Но Дефо совсем не был подходящим человеком для торговых занятий. Хотя он всегда отличался самым строгим и скромным образом жизни, но, вместо того чтобы сидеть над своим делом и над счетными книгами в конторе, он слишком увлекался политикой и обществом образованных людей и писателей. Без сомнения, молодой коммерсант не раз становился жертвой разных обманщиков; но главной причиной его последующих торговых неудач были его собственное невнимание к своему делу и склонность к спекуляции. В одной из статей, напечатанных позже в издаваемой им газете *«Обозрение»*, он сам говорит о несовместимости занятий писателя и купца и о том, что увлечения литературой неизбежно должны привести такого человека в долговую тюрьму.

Как бы там ни было, все эти обстоятельства привели в 1692 году (хотя Дефо и указывает на войну как на главную причину) к тому, что дела его окончательно запутались и один из его кредиторов объявил его банкротом; но решение это было кассировано благодаря прошению, поданному в суд

другими кредиторами, верившими в его честность и с которыми он вошел в особое соглашение. Дефо блистательно оправдал их доверие и очистил себя от всяких нареканий с этой стороны. В течение нескольких лет он уплатил все свои долги, не только в размере, указанном в соглашении, но всю сумму сполна. Один из его злейших политических врагов, Джон Тотчин, в направленном против него памфлете, изданном в 1702 году, считает своим долгом засвидетельствовать о его безукоризненной честности во всем этом деле.

Дефо уже был женат в это время, хотя до нас не дошло никаких сведений о его жене, бывшей, по свидетельству его старинного биографа Вильсона, дочерью его друга и первого воспитателя, пастора Энсли. В своем ответе на обвинение Лорда Гавершама, изданном в 1705 году, Дефо говорит: «Среди бесконечного ряда постигших меня бедствий, с большою семьей на руках и без всякой сторонней помощи, только благодаря моему личному труду мне удалось пробить себе дорогу и покрыть большую часть лежавших на мне долгов».

В течение двух лет после постигшего его разорения Дефо пришлось переживать тяжелое время, причем разные другие предприятия, которые он затевал, также оказались неудачными. В конце 1693 года несколько лондонских купцов, высоко ценивших его честность, предложили ему место торгового агента и комиссионера в Кадиксе, которое, по словам самого Дефо, представляло большие выгоды; но он отказался от него, «чувствуя непреодолимое отвращение» к мысли покинуть свою страну. Дело в том, что в это время он был занят одним изданием, трактовавшим об изыскании средств для начатой тогда войны с Францией.

Главной целью этой войны было утвердить на престоле Вильгельма III и поставить предел завоеваниям Людовика XIV, поддерживавшего в Англии всевозможными средствами партию *якобитов* – последователей низложенного Якова II и непримиримых врагов новой династии. В первое время революции подавленные энтузиазмом нации, в чаду которого были забыты старые распри партий, вигов и тори, диссентеров и церковников, они скрывались в неизвестности. Но это продолжалось недолго; вражда партий скоро вспыхнула с новой силой под давлением *тори:* король должен был сменить некоторых из своих министров, и *якобиты*, поддерживаемые Францией, возобновили свою враждебную деятельность; между тем правительство нуждалось в деньгах для продолжения войны. При таких условиях всякое усиление налогов для ведения войны с Францией, от успеха которой зависело не только упрочение новой династии, но и развитие тех самых начал, во имя которых совершилась

сама революция, было возможно только при поддержке большинства народа и осознании им смысла происходящего. Появившийся в 1694 году чрезвычайно талантливо написанный трактат Дефо с крайнею убедительностью доказывал необходимость продолжения войны, для победы в которой нация не должна страшиться никаких жертв. Памфлет был написан под влиянием твердого убеждения, что все будущее Англии зависит от упрочения на престоле короля Вильгельма III. Дефо в это время не имел никаких отношений с двором и даже не был в Лондоне. Но правительство не могло не заметить даровитого публициста, отстаивавшего с таким талантом самые близкие ему интересы, и вскоре после появления памфлета, оказавшего ему немалую услугу, Даниелю Дефо, без всяких исканий с его стороны, было предложено место счетовода *в комиссии по сбору пошлины со стекла,* которое он занимал до самого упразднения этих пошлин в 1699 году. С этого времени начались его сношения с лицами, близко стоявшими к королю, а потом и с самим Вильгельмом III, высоко ценившим его дарования и честность и неоднократно пользовавшимся его услугами. Между прочим, вскоре после этого Дефо принимал большое участие в деле по изысканию средств для продолжения войны, которым был весьма озабочен тогда Вильгельм Ш. Около этого же времени Дефо сделался секретарем компании, устроившей в Тильбюри завод по выделке черепицы, который потом перешел в его владение. Черепица до тех пор привозилась из Голландии, так что дело это представлялось очень выгодным и завод работал до 1703 года, когда Дефо за свою известную сатиру *«Как разделаться с диссентерами»* был посажен на продолжительный срок в тюрьму правительством королевы Анны и все предприятие разрушилось одновременно с разорением его хозяина.

Известно, что почти до самой катастрофы Дефо со своим семейством жил в Тильбюри, вблизи завода. Это были, пожалуй, самые счастливые годы его жизни. Дела его поправились, и он имел возможность расплатиться со своими кредиторами. Он сделался теперь уже известным писателем и пользовался доверием не только выдающихся членов правительства, но и самого короля. Его честное поведение с кредиторами принесло ему много друзей в коммерческом мире Лондона, между которыми он пользовался всеобщим уважением.

Талант Дефо как даровитого публициста, отзывавшегося на все важнейшие общественные и политические вопросы того времени, получил за эти годы свое полное развитие. Имя его сделалось известным; он приобрел влияние, но одновременно с этим как опасный противник в полемике и сильный диалектик приобрел и много врагов среди *якобитов-*

католиков и партии *тори* и *церковников.* Искренно преданный Вильгельму III, в котором он видел главного охранителя парламентского режима, английской свободы и веротерпимости, Дефо являлся самым горячим защитником всех его мероприятий и интересов. Он служил королю своим пером не как продажный писака, которых было тогда множество, и не как алчный искатель придворных подачек, но как искренний, убежденный человек и горячий патриот, видевший в нем главный оплот против всех козней врагов своей родины. Он не побоялся восстановить против себя и своих братьев по вере, *диссентеров*, громя их в памфлетах за сделку с совестью и за временное подчинение требованиям государственной церкви, когда они занимали какие-нибудь общественные посты. Между богатыми и влиятельными купцами лондонского Сити было немало диссентеров, из которых многие выбирались на разные городские должности, в том числе и на должность лорда-мэра, причем они были обязаны во время своей службы посещать англиканскую церковь.

За шесть лет, до 1702 года, появилось до тридцати сочинений Дефо, из которых, кроме памфлетов по разным политическим и общественным вопросам, известной сатиры *«Чистопородный англичанин»* и нескольких поэтических произведений, выдается его книга под названием *«Опыт о проектах»*, издание 1697 года. Книга эта настолько замечательна, что на ней следует остановиться.

В предисловии к «Опыту» Дефо верно называет свое время «веком проектов». Всевозможным лотереям, разным мошенническим аферам и предприятиям, газетным ловушкам и т. п. не было конца!.. В журналах того времени то и дело попадались следующие объявления: «Дом, стоящий 5000 рублей, – за три рубля», «Серебряный сервиз за 50 коп.», и так далее. Даже в сравнительно солидных предприятиях учредители главным образом имели в виду поживиться за счет легковерных доверителей[6]. В своих проектах Дефо руководствуется исключительно общественным благом, без всякой мысли о собственной выгоде. В предлагаемых им мероприятиях и учреждениях он оказывается по крайней мере на сто лет впереди своего века, так как многие из них были осуществлены в недавнее время и вошли в современную жизнь. Он предлагает учреждение государственного или национального банка с провинциальными отделениями, устройство больших общественных дорог, причем входит во все подробности, касающиеся их сооружения и содержания. Есть проект устройства учреждения для страхования имущества от огня, а также морского. Дефо подробно развивает проект кооперативных товариществ для взаимной помощи «в случае постигшего их члена бедствия или нищеты»,

являющийся прототипом тех современных учреждений этого рода, которые покрывают теперь своей сетью весь цивилизованный мир. В числе его проектов также *пенсионные кассы*, расположенные по всей Англии и предназначенные для вклада бедным людом небольших сумм, из которых они получают пособия в случае болезни или увечья, а также пенсион в старости. Это – наши современные ссудо-сберегательные кассы. По мнению Дефо, устройство домов для умалишенных должно быть «одною из важных забот великой человеческой семьи». Несчастные банкроты, с которыми в его время обращались как с самыми жестокими преступниками, также составляют предмет его забот, и он с негодованием восстает против существовавших тогда относительно них зверских законов. Он предлагает между прочим учреждение академии для высшего образования женщин.

Некоторые из биографов Вениамина Франклина рассказывают, что еще юношей он нашел эту книгу («Опыт о проектах») в библиотеке своего отца и говорил впоследствии, что она оставила в его уме неизгладимые впечатления, сказавшиеся потом во многих событиях его жизни.

Между другими публицистическими произведениями Дефо останавливает внимание большой памфлет нравственно-поучительного содержания, написанный как бы от лица «бедного человека». В нем очерчивается яркими красками тот разврат, который со времени Карла II проник во все классы общества. Автор утверждает, что одни жестокие карательные меры не достигают цели, и, обращаясь к аристократии, духовенству и вообще образованным классам, говорит, что их пример в этом случае подействовал бы с неотразимой силой.

В 1700 году появился памфлет Тотчина (пасквиль в стихах, как его называет Дефо) «Иностранцы», где в самых черных красках представлен Вильгельм III и после разных грубых ругательств, направленных против него самого и его соотечественников-голландцев, автор клеймит короля названием «чужестранца». Памфлет этот, по словам самого Дефо, «пробудил в нем самое горячее негодование», и он написал в ответ сатиру в стихах под названием *«Чистопородный англичанин»*, которая в громадном числе экземпляров (в виде дешевых контрфакций литературных хищников того времени) разошлась по самым отдаленным углам Англии. В одном Лондоне за короткое время разошлось более 80 тысяч экземпляров, продаваемых на улицах по дешевой цене, кроме девяти изданий, принадлежавших самому автору. Сатира эта пользуется популярностью в Англии и до сих пор, и Дефо часто подписывал свои позднейшие сочинения так: автор «Чистопородного англичанина».

Целью сатиры было пристыдить англичан за их неблагодарность к королю-«чужестранцу»; при этом автор распространяется о генеалогии английского народа, показывая, что он произошел от отбросов всевозможных племен, и приходит к тому заключению, что «чистопородный англичанин» – противоречие.

В 1700 году положение Вильгельма III стало весьма трудным. Одна из главных целей войны не была достигнута, и Людовик XIV в нарушение договора продолжал поддерживать изгнанного Якова II. Борьба партий раздирала страну; в парламенте господствовали тори, которые, забывая о государственных нуждах и неотложных проблемах, преследовали только одну задачу – досадить королю и уничтожить своих противников, *вигов*. С этой целью, располагая парламентским большинством, они задерживали утверждение кредитов, необходимых для самых насущных потребностей правительства. Во множестве памфлетов Дефо призывал народ стать на страже своих самых дорогих интересов и выбрать достойных представителей, обличал господствовавшую тогда систему подкупов в. соединении с биржевым ажиотажем и продажею мест в парламенте.

Вопиющий антагонизм между королем, пользовавшимся популярностью в народных массах, и парламентской оппозицией, тормозившей ввиду своих личных целей всякие меры, направленные ко благу нации, наконец вызвал всеобщее неудовольствие. Из разных мест Англии стали приходить коллективные петиции и протесты. Вследствие ареста торийским председателем палаты кентских депутатов, подавших в парламент *петицию* за подписью самых уважаемых и видных представителей населения графства, негодование народное достигло своего предела. На другой день после их ареста Дефо, с достойным всякого удивления гражданским мужеством и не думая о грозившей ему опасности, в сопровождении шестнадцати человек из видных членов своей партии вошел в залу заседаний палаты и передал *спикеру* свое знаменитое *«Напоминание легиона»*. В приложенном письме «председателю повелевалось от лица двухсот тысяч англичан сообщить его содержание палате, с добавлением, что это не шутка, а серьезная правда, требующая серьезного внимания». «Напоминание» было написано благородным, ясным языком и в самых сильных выражениях подтверждало народные права и напоминало обязанности его слуг – членов парламента. Оно заканчивалось следующими словами:

> «Итак, господа, мы указали вам долг ваш в надежде, что вы подумаете об этом; но если вы будете относиться к нему с

> прежнею небрежностью, то вас неминуемо ожидает гнев оскорбленного народа: англичане никогда не будут рабами не только короля, но и парламента.
>
> Имя наше легион, и нас много».

Записка эта, по-видимому, произвела такое сильное впечатление на партию тори, что всякое дальнейшее преследование кентских депутатов было прекращено и парламент, вотировав требуемые кредиты, завершил свои заседания. Сколько известно, также не предпринималось и серьезных попыток разыскать автора знаменитого протеста. После освобождения арестованных кентских депутатов в честь их был устроен большой обед в Сити, на котором, в числе самых почетных гостей, находился и Даниель Дефо.

В 1701 году, во время несогласий между обеими палатами по поводу предполагавшейся новой войны с Францией, когда появилось множество памфлетов, отстаивавших права той или другой стороны, Дефо издал свой знаменитый памфлет «О верховных правах английского народа», – позабытых, по-видимому, спорившими, – который по ясному и логическому изложению главных основ английской конституции до сих пор считается одним из лучших политических трактатов в этом роде. Несмотря на внимание к нему короля, стоявшего за войну, Дефо со свойственной ему честностью и непоколебимостью убеждений неоднократно высказывался и в печати, и устно против войны, утверждая, что она не соответствует требованиям народных интересов. Это, однако, нисколько не помешало Вильгельму III относиться к нему с прежним доверием и благосклонностью.

Дефо был теперь наверху своей славы как писатель и выдающийся общественный деятель; он не только пользовался расположением и доверием короля, но стал в последнее время близким к нему человеком, и Вильгельм III часто советовался с ним по разным государственным вопросам. Нет сомнения, что если бы продолжилась жизнь короля, то Дефо предстояло бы играть видную политическую роль в истории Англии. Но уже осенью 1701 года Вильгельм III, имевший нездоровые легкие, вернулся совсем больной из Голландии и сообщил близкому к нему герцогу Портленду, что ему осталось жить недолго. Падение с лошади ускорило и без того недалекую развязку, и в марте 1702 года Дефо потерял своего друга и покровителя.

Смерть этого замечательного человека, столь близкого ему по убеждениям, завершает целую эпоху в жизни Дефо.

Глава IV. Гонения (1702—1714)

Сущность английской революции 1688 года. – вступление на престол Анны. – Переворот в положении Дефо. – Возобновление религиозной нетерпимости. – Памфлет к женщинам. – Парламентский акт о диссентерах. – Сатира «Как покончить с диссентерами» и произведенное ею впечатление. – Суд над Дефо и его вторичное разорение. – У позорного столба и в Ньюгейте. – Жизнь и деятельность в тюрьме. – Издание газеты «Обозрение». – Беспримерный литературный работник. – Покровительство министра Гарлея. – Освобождение Дефо. – Преследование со стороны кредиторов. – Дефо скрывается на западе Англии. – Памфлет о соединении Англии с Шотландией. – Деятельность Дефо в Шотландии. – Его дальнейшие литературные работы. – Преследования политических врагов. – «Обращение к совести и справедливости»

При поверхностном взгляде революция 1688 года в Англии как будто выразилась только в передаче короны Стюартов Вильгельму III; но в сущности она представляла переход власти от короля к парламенту, а с учреждением в 1699 году ответственного министерства, избранного из среды господствовавшей в парламенте партии, установился в общих чертах тот парламентский строй, который существует в Англии и поныне. Подобно тому, как Вильгельм III и Мэри были утверждены на престоле парламентской *декларацией прав,* о которой уже говорилось, так и переход короны после них к дочери Якова II, Анне, а затем к Ганноверской династии в лице Георга I был также предусмотрен парламентским *актом о престолонаследии,* принятым в 1702 году, еще при жизни Вильгельма III и по его предложению. Таким образом, после революции 1688 года вместе со Стюартами исчезает со страниц английской истории сам вопрос о божественном праве королей, и с тех пор все права английских государей опираются только на один государственный акт, утвержденный представителями народа.

С вступлением на престол Анны Дефо скоро убедился, что смерть Вильгельма III, горько оплакиваемого теперь народом, положила конец и его дальнейшим успехам на политическом поприще. Хотя королева в первом заседании Совета и заявила о своем намерении держаться политики покойного короля, но вскоре имена самых доверенных советников его

были вычеркнуты из списка членов Королевского совета, и их заменили злейшие враги Вильгельма III. Борьба разных политических и религиозных партий возобновилась с новой силой; подавленные *якобиты* снова подняли голову; но особенно ощутимо проявился дух нетерпимости и фанатизма среди духовенства *высокой церкви,* которое не только изгнало с церковных кафедр более умеренных из своих собратьев, но стало громить диссентеров как зловредную секту, стоящую вне закона и которая должна быть искоренена вмешательством власти. Через два месяца после вступления на престол королевы Анны оставленное Вильгельмом III министерство полностью преобразилось: *виги* были поголовно замещены *тори,* что оказало громадное влияние как на парламент, так и на фанатических англиканских церковников. При этом опять всплыли наружу старые учения о несопротивлении власти и божественном праве королей. В одном из памфлетов, изданных Дефо в это время, он отождествляет подобные учения с теми проповедями, которые раздавались с церковной кафедры во время тирании Якова II и провозвестники которых, когда выяснился истинный характер короля, немало способствовали его изгнанию.

В числе сочинений, выпущенных Даниелем Дефо до конца 1702 года, обращает на себя внимание отчасти напоминающая диатрибы наших новейших пророков нравственности сатира, обращенная к женщинам, в которой он советует им, ввиду развратной жизни их будущих мужей до женитьбы, отказаться от замужества и пребывать в девстве.

В конце 1702 года в парламент был внесен проект закона против допущения на общественную службу *диссентеров,* только временно подчиняющихся требованиям государственной церкви, – проект, которому предшествовала горячая полемика в печати. Верный себе и неизменный в своих убеждениях, Дефо не побоялся вторично выступить с обличениями тех малодушных из своих религиозных собратьев, которые ради житейских интересов входят в сделку с совестью, и находил, что такая мера принесла бы им только нравственную пользу и крепче сплотила бы диссентеров между собой.

Поразителен контраст между положением Дефо в начале и в конце того же 1702 года. Сперва – доверенный и уважаемый друг короля на пути к блестящей политической карьере, пользующийся известностью писатель и общественный деятель; теперь – отринутый двором и правительством, в котором господствовали реакционеры, отрицавшие самые дорогие ему принципы революции 1688 года, ненавидимый партией религиозных фанатиков, грозивших полным уничтожением его секты, и даже покинутый многими из своих единоверцев за то, что он высказывал им правду.

Недаром Дефо говорит в своем последнем памфлете: «Мне удивительно, что все против меня; между тем как я положительно уверен, что правда – на моей стороне». Тем не менее ему предстояли еще более тяжкие испытания: позор, тюрьма, разорение, нищета семьи; но сознание своей *правоты* никогда не покидало его и поддерживало в той непреклонной борьбе за правое дело, которую он не оставлял до самой своей смерти.

Фанатичные поборники государственной церкви продолжали метать свои громы против диссентеров; к ним пристали и многие из членов господствовавшей теперь реакционной партии; самые низменные страсти религиозного фанатизма и нетерпимости были возбуждены, и между искренними диссентерами царил теперь панический страх, что их ожидало возобновление прежних гонений за их веру. Дефо скоро увидел, что всякая полемика с этими новыми инквизиторами была бесполезна; хорошо знакомый с теми идеями, которые они проповедовали с церковной кафедры и проводили в печати, он соединил все это в сатире, изданной им в том же 1702 году под названием *«Как покончить с диссентерами»*.

Никакие выдержки не в состоянии дать понятия о неподражаемой иронии этого удивительного произведения. Самая злая насмешка и самые жестокие удары сатиры здесь скрыты под оболочкой слов, которые можно было бы вложить в уста одного из самых яростных поборников государственной церкви; все их вожделения и затаенные мысли выражены здесь их же собственным языком. Джон Форстер в одном из своих этюдов о Дефо говорит по поводу этой сатиры: «Если бы понадобилось какое-нибудь оправдание появлению этого мастерского памфлета, то его легко было бы найти в умственном состоянии того общества, которое могло принять все это за серьезные намерения». Так именно и случилось. Все замеченные настроения известной среды высказаны здесь с такою реальною правдой, что сатира произвела настоящий переполох между более боязливыми из диссентеров, а обезумевшие фанатики англиканства приняли ее за произведение одного из самых преданных чад своей церкви. Ли в биографии Дефо рассказывает, что какой-то духовный из членов Кембриджского университета[7] написал своему книгопродавцу, выславшему ему экземпляр памфлета, такое характерное письмо: «Я получил Ваше письмо с приложением памфлета *„Как покончить с диссентерами“*, который наделал такой шум и за который я Вас благодарю. Я искренно присоединяюсь к автору и после Библии считаю его книгу самою драгоценною из всех, которыми владею. Молю Бога, чтобы Он вложил в сердце королевы желание исполнить все, что в ней предлагается». Между прочим – поголовное истребление всех диссентеров.

Разумеется, вскоре было открыто, что автор памфлета – диссентер, что памфлет представляет собой сатиру на фанатиков *высокой церкви.* Они увидели, что попались в собственные сети. Конечно, было решено уничтожить автора, но, делая это, следовало осудить и саму книгу, что являлось бы помехой при осуществлении того гонения на диссентеров, которого они добивались. Таким образом, противники Дефо были вынуждены предавать поруганию и с кафедры, и в печати как возмутительный пасквиль ту самую книгу, от которой только что приходили в восторг; они не могли также очистить от нарекания свою церковь, иначе как порицая то самое религиозное гонение, которого они добивались. В одном из своих последующих сочинений, «О *современном положении партий*», Дефо верно замечает, что его сатира *«Как покончить с диссентерами»* «была смертельным ударом для всей партии». Как только обнаружилось имя автора, его цель и намерение сделались очевидными для всех. В ослеплении ярости партия *церковников* решила скорее пожертвовать всеми своими принципами, чем отказаться от мести. В первый момент всеобщего озлобления Дефо скрылся; но под давлением его врагов правительство тори возбудило против него государственный процесс, и в одном из июльских номеров «Лондонской газеты» (1702 год) было объявлено о выдаче награды за его поимку. Мы приводим целиком текст этой публикации, так как в ней описана наружность Дефо.

«Даниель Фо, alias[8] Дефо, обвиняется в составлении возмутительного пасквильного памфлета под названием *„Как покончить с диссентерами“*. Он среднего роста, худощав, около сорока лет от роду; лицо смуглое, волосы темно-каштановые, но носит парик; глаза серые, нос с горбиной, подбородок острый, над углом рта большая родинка. Родился, в Лондоне и долгое время держал чулочную лавку в Фрименс-Ярде, в Корнхилле, а теперь владеет черепичным заводом в Тильбюри, в графстве Эссекс. Кто укажет место пребывания означенного Дефо одному из статс-секретарей или мировых судей ее величества и будет способствовать его поимке, тот получит вознаграждение в 500 рублей, каковую сумму ее величество повелела выдать разыскавшему Даниеля Дефо».

Памфлет Дефо в феврале 1703 года был публично сожжен рукою палача. Ввиду того, что типографщик и распространявший его книгопродавец были арестованы, Дефо, чтобы «спасти от разорения ни в чем неповинных людей» (как он сам выразился), решился отдаться в руки правительства. Во время своего предварительного заключения, до суда, он выпустил несколько памфлетов, касавшихся памяти покойного короля и его добрых отношений к государственной церкви, разъяснение своей

последней, наделавшей столько шуму сатиры и, самое главное, приступил к первому изданию своих сочинений, первый том которых, включавший двадцать два его произведения вместе с известной сатирой, вышел в том же 1703 году. В этот же промежуток была издана его «Сатира на самого себя», где Дефо сознается в своем ослеплении, которое повело к ошибочному предположению, что публика сразу поймет истинный характер книги «Как покончить с диссентерами» и не примет ее за чистую монету.

Объявив себя автором ненавистной тори сатиры, Дефо понадеялся на обещанное «милосердие королевы», и его уговорили, ввиду этого, отказаться на суде от защиты, при которой, конечно, обнаружились бы стремления крайних партий, *тори* и *церковников.* Обещание это было самым бессовестным образом нарушено, и по усиленному обвинению прокуратуры его признали виновным в составлении и опубликовании «возбуждающего к мятежу пасквиля». Это возмутительное судбище завершилось еще более возмутительным приговором, по которому Дефо был присужден к уплате пени в 200 марок, к троекратному выставлению у позорного столба и к тюремному заключению на определенный– срок, по желанию королевы; кроме того, он должен был внести денежный залог, в обеспечение его благонамеренного поведения в течение семи следующих лет.

После объявления приговора Дефо просидел еще двадцать дней в Ньюгейтской тюрьме, до выставления у позорного столба. Нужно удивляться невероятной энергии и умственной силе этого человека, который во время краткого промежутка до ожидавшего его позорного наказания успел написать еще два сочинения: памфлет *«Кратчайший путь к миру и единству»,* где он взывает к христианскому чувству братской любви и терпимости как членов англиканской церкви, так и диссентеров, и знаменитый *«Гимн позорному столбу»,* в котором автор навеки пригвоздил к позорному столбу своих бессовестных гонителей.

В тот самый день (29 июля 1703 года), когда Дефо в первый раз был выставлен на позор перед уличной толпой против биржи в Корнхилле, вышла и эта знаменитая сатира, первое издание которой было расхватано собравшимся вокруг него народом. В течение следующих двух дней он выставлялся таким же образом в самых бойких местах Лондона – на улице Чипсайд и против Темпл-Бара. Сознание справедливости и ненависть ко всякого рода гонениям и тирании с давних пор живут в английском народе. Вместо того чтобы подвергать всяким оскорблениям этого мученика за свободу совести и права народные, выставленного на позорном эшафоте с головой и кистями рук, просунутыми в деревянную колодку, собравшаяся

громадная толпа, разогнав солдат, обратила позор Дефо в торжество, причем украсила эшафот со столбом гирляндами и усыпала цветами. Хотя в своей последней сатире «Гимн позорному столбу» Дефо заклеймил вечным позором своих гонителей, но ввиду такого проявления народного сочувствия правительство не решилось подвергать его за это особому преследованию.

Продолжительное заключение в тюрьме, предстоявшее теперь Дефо, отразилось на его делах, и принадлежавший ему черепичный завод в Тильбюри, который давал ему главные средства к существованию, должен был прекратить свою работу. Он был окончательно разорен, и его семье предстояла чуть ли не голодная смерть. Враги его, конечно, не намеревались давать ему пощады; но они сознавали его силу как популярного политического писателя. Теперь настал момент, когда честность Дефо как писателя должна была подвергнуться сильному искушению. Граф Нотингем по поручению правительства предложил ему свободу и место в правительственной службе, если он сообщит содержание разных секретных бумаг, оставшихся после покойного короля, и укажет, кто побудил его написать инкриминированную ему сатиру. Дефо с негодованием отверг это гнусное предложение и предпочел просидеть полтора года в тюрьме.

Ньюгейтская тюрьма, судя по тому, что она представляла в конце XVIII столетия, была совершенным адом в 1703 году. Политические преступники были перемешаны с самыми зверскими убийцами и ворами. Смертная казнь на виселице являлась тогда обыкновенным наказанием даже за мелкое воровство. После сессии уголовного суда палач едва успевал отправлять на тот свет множество попадавших в его руки жертв. Грязь, разврат и дебош стояли страшные. Ввиду отсутствия каких-либо гигиенических условий при содержании массы скученных здесь арестантов многие из них, не дождавшись казни, умирали от особого, так называемого «тюремного», тифа.

Вот в какой ужасной обстановке провел Дефо более полутора лет. Нужно полагать, что у него была отдельная камера, где он мог заниматься литературной работой, но при всем том трудно представить себе более ужасные условия для такого рода занятий, и тем более поражает нас почти невероятная умственная деятельность этого опозоренного, разоренного и всеми брошенного человека. В течение своего полуторагодового заключения вместе с убийцами и разбойниками Дефо издал до сорока сочинений и памфлетов по разным общественным и политическим вопросам, кроме газеты, называвшейся *«Обозрение»* и бывшей во многом

предшественницею современных газет, которую он также начал издавать в тюрьме, один, без всяких сотрудников. Газета эта аккуратно выходила сначала один раз, потом три раза в неделю и пользовалась большою известностью. Дефо выпускал ее и после своего освобождения, до середины 1713 года. Если принять в соображение, что за девятилетний период, в продолжение которого выходил этот журнал, с первой до последней строки написанный рукою одного человека и представлявший в общей сложности до пяти тысяч печатных страниц статей по всем отраслям знаний, Дефо издал еще более восьмидесяти других сочинений, касавшихся всевозможных политических и социальных вопросов, волновавших в то время общество, то действительно его деятельность можно признать беспримерною в истории литературы, не говоря уже о той изумительной душевной силе, которую не могли сломить никакие гонения и беды.

В начале 1704 года произошел министерский кризис: господствовавшая до сих пор в парламенте партия крайних тори ввиду всеобщего недовольства, возбужденного ее реакционною политикой, должна была наконец сойти со сцены и уступить свое место вигам, и Гарлей (впоследствии лорд Оксфорд) встал во главе министерства. Он знал Дефо только по литературной деятельности, но считал его для нового правительства весьма полезным человеком, которого следовало поддержать. С самого начала своего вступления в министерство Гарлей принялся упорно хлопотать о его освобождении. Ввиду разных затруднений хлопоты эти увенчались успехом только через четыре месяца: в половине августа Дефо был освобожден из Ньюгейтской тюрьмы, причем все лежавшие на нем судебные штрафы уплатила королева. Благодаря усилиям того же будущего друга и покровителя в последние месяцы заключения Дефо была оказана денежная помощь его семье, находившейся в самом бедственном положении. Здоровье его было сильно расшатано в тюрьме, и по освобождении Дефо удалился на короткое время со своею семьей в уединенное местечко Эдмондбюри, чтобы набраться новых сил. Но голова и перо его не переставали работать. Памфлеты, трактаты и целые книги следовали почти непрерывно, так что одно перечисление их заняло бы несколько страниц Отдых его, впрочем, продолжался недолго; последовавшее во время его заточения крушение черепичного завода в Тильбюри опять вовлекло Дефо в бесчисленные затруднения с кредиторами, которые преследовали его судебными процессами (в некоторых случаях по наущению его политических врагов) и всякими несообразными требованиями. Ему ничего не оставалось более, как на

время удалиться из Лондона, и он провел несколько месяцев в разъездах по юго-западным графствам Англии, скрываясь даже под чужим именем. И тут его новый друг Гарлей оказал ему большую поддержку. В это время происходили выборы в парламент, и он поручил Дефо содействовать своим пером и советом всем кандидатам либеральной партии в избирательных округах этого района.

Во время этих разъездов Дефо пришлось сделать более тысячи миль верхом; он не только присутствовал на всякого рода митингах и совещаниях с разными местными влиятельными людьми, но продолжал безостановочно издание своего журнала «Обозрение», начатого в тюрьме, все статьи для которого и теперь выходили из-под его пера.

Уладив дело со своими кредиторами по заводу, долги которым он продолжал выплачивать до 1715 года, Дефо отказался теперь от всяких коммерческих предприятий и посвятил все свое время и всю свою энергию одной литературной работе. В 1705 году вышло второе издание его сочинений, право на которое он продал нескольким лондонским книгопродавцам, чтобы сколько-нибудь поправить свои расстроенные дела. «Сочинения» быстро расходились, и в 1713 году потребовалось уже четвертое издание. Необходимо заметить, что Дефо всю жизнь был жертвою самого бессовестного литературного хищничества, отличавшего нравы его времени. Вслед за выходом каждого его сочинения, каждого выдающегося памфлета, появлялись незаконные перепечатки их; о такой книге, как «Робинзон Крузо», и говорить нечего: она расходилась во множестве краденых изданий, часто изуродованная; под ее обложкой прятались самые грубые подделки. В одном из своих сочинений Дефо говорит по этому поводу, что если б он мог воспользоваться хотя частью тех барышей, которые получали от продажи подделок под его произведения разные литературные хищники, то стал бы очень богатым человеком.

Изданная в 1706 году книга Дефо о соединении Англии с Шотландией была самым крупным из его сочинений, написанных в то время. Она имела большой успех и немало способствовала осуществлению этой меры, занимавшей тогда администрацию Гарлея. Соединение с Шотландией было любимой мыслью покойного покровителя Дефо, Вильгельма III, но осуществить ее пришлось только в царствование Анны. Ввиду замечательного успеха его книги правительство предложило Дефо ехать в Шотландию с целью популяризации там идеи проектируемого соединения двух стран, которая благодаря его сочинению уже получила значительное распространение в Англии. Перед своим отъездом он в первый раз был

представлен королеве Гарлеем.

В течение трех лет Дефо жил в Эдинбурге, где он приобрел большие знакомства и сделался очень популярен. Жизнь в Шотландии так ему понравилась, что одно время он серьезно думал поселиться здесь навсегда. Когда вопрос о соединении с Англией обсуждался в шотландском парламенте, вышла его поэма «Каледония», написанная в честь Шотландии; в 1707 году, после окончательного утверждения акта о соединении, Дефо издал «Историю соединения двух королевств», в осуществлении которого он принимал немалое участие. Книга эта и теперь имеет значение как основательный исторический материал. Автор ее так близко познакомился с Шотландией и настроениями разных политических ее партий, что после возвращения его в Лондон, когда билль о соединении двух стран уже сделался законом, правительство, опасавшееся восстания в Шотландии якобитов[9], подстрекаемых Людовиком XIV, послало его вторично в Эдинбург с секретным поручением – влиять на общественное мнение и подготовить его к предстоящему после смерти Анны наследованию престола Ганноверской династией.

Новый претендент католической партии как потомок Стюартов имел немало приверженцев в Шотландии, особенно между кланами горной ее части. В Эдинбурге тогда происходили сильные волнения и мятежи, причем Дефо едва не сделался жертвою разъяренной толпы *якобитов,* Во время своего пребывания в Шотландии Дефо не только продолжал издание «Обозрения», но временно издавал газету «Эдинбургские куранты». Размер этого очерка не позволяет входить в дальнейшее описание политической и литературной деятельности Дефо за остальной период царствования Анны и до ареста его друга и покровителя Гарлея (графа Оксфорда). Перо почти не покидало его руки все это время; он не только писал много по всем волновавшим общество вопросам, но и упорно держался той партии, которая в данный момент проводила излюбленные им принципы: единения, религиозной терпимости и свободы. Это было время разгара страстей, когда волна, поднятая великой английской революцией 1688 года, еще не успокоилась и раздражение враждовавших партий доходило до своего максимума. Понятно, что Дефо имел множество врагов (пожалуй больше, чем друзей), и в своем озлоблении они ни перед чем не останавливались, чтобы повредить ему. Между прочим, он часто подвергался обвинениям, что пишет из-за денег и держится той стороны, которая больше платит. В 1715 году вышло его известное сочинение *«Обращение к совести и справедливости»,* в котором, после тяжкой болезни, окончательно измученный нападками враждебной печати и

новыми судебными преследованиями в первые годы царствования Георга I, он взывает к чувству справедливости общества и в проникнутых благородным негодованием словах отрицает клеветы своих врагов. Приводим в заключение настоящей главы небольшую выдержку из этой замечательной книги, которая говорит сама за себя.

«Если я, – говорит Дефо, обращаясь к своим гонителям, в порыве истинного красноречия, – когда-либо держался неправой стороны или покривил душою в борьбе за правое дело, если я из боязни или в угоду кому бы то ни было действовал хоть раз в жизни против своих убеждений… если я когда-либо позабыл те вечные истины справедливости и свободы, которых всегда держался и от которых ни в радости, ни в горе не отступлю ни на одну йоту… только тогда вы можете клеймить меня названием продажного человека, подкупленного эмиссара, шпиона – чем хотите… Вы говорите: унизительное ремесло – писать из-за хлеба! Тем хуже для меня, господа, если после всех моих трудов, страданий, опасностей, после всей возбужденной против меня ненависти, после тех унижений, которым мне пришлось подвергаться, я часто не мог добиться этого хлеба… Я пристал к правому делу и твердо держался за него всю мою жизнь; я не изменял ему, когда подвергался за него гонениям; я не нажил богатств, когда оно торжествовало; и, слава Богу, нет еще такой партии и такого двора во всем христианском мире, которые были бы в состоянии купить меня и заставить изменить этому делу».

Глава V. «Робинзон крузо» и реальный роман

Дефо как беллетрист. – «Робинзон Крузо» и другие его произведения в этом роде. – Его деятельность в журналах. – Успех «Робинзона Крузо». – Действительный случай, послуживший основанием романа. – Дефо – родоначальник реального романа. – Его характеристика как беллетриста. – Реальность изложения и фактическая подкладка. – Значение Робинзона Крузо как типа англосаксонского племени. – Проявление в нем религиозного чувства. – Параллель между Робинзоном и современными английскими эмигрантами. – Другие беллетристические произведения Дефо. – Рассказы о морских приключениях. – «Записки кавалера». – «Дневник чумного года». – Биографии знаменитых преступников. – Растление нравов того времени. – Объяснение мотивов Дефо к изданию подобных книг. – Дефо – предшественник Филдинга и Ричардсона.

В этой главе нам приходится отступить от того хронологического порядка, которого мы держались до сих пор в своем очерке жизни Дефо, и коснуться целого ряда произведений, по характеру своему не имеющих ничего общего с его прежними работами. На одном из этих произведений («Робинзон Крузо») главным образом покоится его слава как всемирно известного писателя. Первое издание *«Робинзона Крузо»* вышло в Лондоне в апреле 1719 года, когда Дефо уже было пятьдесят восемь лет. К этому времени он издал сто девяносто разных сочинений и брошюр, касающихся всевозможных направлений общественной жизни и политики, написанных во всевозможных литературных жанрах. Один перечень этих сочинений занимает шестнадцать страниц мелкой печати в книге его биографа Ли. Эти книги сами по себе составляют целую библиотеку, так что Дефо справедливо считается самым плодовитым писателем своего времени. Но все сделанное им до сих пор, вся эта громадная масса сочинений, в числе которых были и такие, которые одни могли составить ему славу великого писателя, – все это меркнет по сравнению с произведениями последних лет его жизни, омраченных разными бедствиями и тяжкою болезнью, когда большинство выдающихся писателей уже считает себя вправе опочить на заслуженных лаврах. Не следует забывать, что, кроме множества разных других сочинений и памфлетов, Дефо одновременно с этим вел

ежемесячное политическое издание в сто страниц («Mercurius politicus») и, кроме того, принимал самое деятельное участие в издании трех газет, из которых одна выходила ежедневно.

Успех *«Робинзона Крузо»* был почти беспримерный: в течение четырех месяцев эта книга, одинаково очаровывавшая людей самых разнообразных положений в обществе, выдержала четыре издания. По свидетельству одного из злейших врагов Дефо, Чарльза Гильдона, написавшего вскоре после появления «Робинзона» пародию на роман, наполненную самыми грубыми ругательствами и клеветами в адрес автора, эта книга уже при первом своем появлении сделалась, вместе с Библией и «Странствием пилигрима» Бэньяна, достоянием каждой, даже самой бедной, семьи. «Нет старухи, – говорит он, – которая не купила бы себе, если только хватало на это денег, *„Жизнь и приключения Крузо“, с* тем чтобы оставить ее… в наследство потомству». В конце августа того же года вышла вторая, и последняя, часть романа под названием *«Дальнейшие приключения Робинзона Крузо»*. Уже с самого первого появления ее эта знаменитая книга сделалась жертвою разных подделывателей и сократителей, что продолжается и до последнего времени, так что за массой всех этих сокращенных и переделанных изданий исчезло и само имя Дефо. По прошествии года Дефо выпустил малоизвестную теперь книгу нравственного содержания под названием *«Серьезные размышления Робинзона Крузо»*, о которой уже было упомянуто в предисловии; но она отнюдь не имела прежнего успеха, и второе издание ее появилось только много лет спустя.

Основанием для «Робинзона Крузо» послужил факт из действительной жизни, сообщенный в первый раз в 1712 году капитаном Роджерсом в издании, посвященном описанию его путешествия, и между прочим рассказанный в 1713 году в журнале *«Англичанин»* знаменитым Стилем, который сам видел Александра Селькирка, героя описанных приключений, бывшего в то время в Лондоне. По этим данным, Александр Селькирк, родившийся в 1676 году в графстве Файф в Шотландии, поступил в 1703 году матросом на корабль капитана Дампьера, предпринявшего экспедицию в Южный океан. Поссорившись с капитаном корабля, он дезертировал на остров Хуан-Фернандес в 1704 году и прожил там один четыре года и четыре месяца, пока его не забрал на свой корабль капитан Роджерс. Селькирк прослужил у него два года в качестве боцмана и в 1711 году прибыл в Англию. Таковы фактические данные, на основании которых Дефо создал свое знаменитое произведение.

Если допускать предшественников у Ричардсона и Филдинга, то

родоначальником английского *реального романа* должен быть признан Даниель Дефо, хотя он не оставил нам полной картины нравов своего времени, не создал вечно живых типов, как, например, сквайр Вестерн Филдинга или сэр Чарльз Грандисон Ричардсона, и хотя его скорее можно считать за неподражаемого рассказчика, чем за романиста в строгом смысле слова. Так или иначе, появление «Робинзона Крузо» открывает целую новую эру в этом роде литературы, начиная со средневекового испанского романа и кончая модными произведениями m-me Скюдери во Франции или миссис Афры Бен в Англии. Его можно назвать, употребляя выражение Тэна, *антироманическим* романом, то есть романом, не ограничивавшимся единственной целью, воздействовать на воображение. Это было чтение для положительных умов, дававшее картины действительной жизни, с описаниями обыкновенных людей, с нравственною подкладкой и рассуждениями о мотивах, руководивших их действиями. По справедливому замечанию того же Тэна, это был точно строгий голос народа, внезапно раздавшийся среди порочной роскоши и испорченности, которыми была проникнута жизнь высших классов того времени.

Во всех беллетристических произведениях Дефо («Молль Флендерс», «Записки кавалера», «Полковник Джек», «Дневник чумного года» и др.) виден пуританин, человек из народа, обладающий религиозным чувством, не брезгавший самыми низменными сюжетами и постоянно стремившийся к нравственной реформе. Дефо весь был проникнут сознанием тяжести и ответственности своего труда, и его собственные слова: «Человек, который хочет бороться с течениями своего времени, должен опираться на неопровержимую правду…» – лучше всего характеризуют его как писателя…

Он обладал умом вполне приспособленным для такой тяжелой работы. Это был точный, строгий, положительный человек, лишенный чувства изящного и неспособный к порывам энтузиазма. Его тяжеловесные поэмы, и особенно «Божественная справедливость», трактующая на 320 страницах о прирожденных правах человека, могут служить лучшим подтверждением этого. Его воображение имеет чисто деловую подкладку, и в своей беллетристике он строго держится фактической стороны. В *«Робинзоне Крузо»* он приводит счета, накладные, судовые журналы, направления ветра, гидрографию и географическое описание острова; автор как будто сам испытал то, о чем рассказывается в его книге, и переделал своими руками все работы своего героя; таким образом, иллюзия получается полная; читателю невольно кажется, что он видит перед собой всю

обстановку Робинзона и переживает вместе с ним все описываемые события. Неподражаемый реализм описаний Дефо доходил до такой степени совершенства, что вводил в заблуждение не только его современников, но и людей последующих поколений. Известно, что знаменитый лондонский врач, д-р Мид, живший в одно время с Дефо, считал *«Дневник чумного года»* подлинными мемуарами очевидца, а знаменитый лорд Чатам позже принял *«Записки кавалера»* за настоящие записки одного из последователей Карла I, сражавшегося с парламентскими войсками Кромвеля.

Кроме того, Робинзон Крузо (и в этом, пожалуй, заключается главное достоинство романа с художественной стороны) представляет совершенный тип своей расы, во многом сохраняющий значение и до сих пор. Ту же несокрушимую волю и энергию, то же скрытое пылкое воображение, ту же способность к неустанному труду, отличающие англосаксонское племя, мы видим и теперь в эмигрантах и скваттерах Америки и Австралии. Робинзона преследует одна мысль, и ни убеждения родных, ни постигшее его в начале путешествия кораблекрушение, ни рабство у мавров не могут заставить упрямца отказаться от нее. Наконец корабль разбивается; Робинзон выброшен один на необитаемый остров. И тут проявляется во всей своей силе врожденная энергия его: подобно своим потомкам-эмигрантам, пионерам Америки и Австралии, он один на один борется с теми трудностями, которые создает ему природа, и сызнова проделывает всю ту работу, на которую потребовалось столько усилий человечества. Он является изобретателем и, не умея до того времени владеть инструментом, становится искусным работником, познавшим всевозможные ремесла. «Строго обсудив в своем уме все стороны дела, – говорит он, – и сделав из этого разумный вывод, каждый человек со временем может сделаться мастером известного ремесла. До тех пор я не прикасался ни к одному инструменту, но по прошествии известного времени благодаря труду, настойчивости и сметке я увидел, что могу сделать все, что мне требовалось, особенно если бы у меня были инструменты». В нем видно то спокойное удовольствие, которое чувствует человек, добившийся успеха благодаря тяжелому труду. Американский *скваттер,* подобно Робинзону, смотрит довольным взглядом на окружающие его предметы домашней обстановки не потому только, что они полезны, но и потому, что это дело его рук. Робинзону приятно вернуться к своему домашнему очагу: все способствующее его комфорту сделано им самим, и, садясь за свой скромный обед, он чувствует себя господином всего окружающего: «Точно король», как говорит он.

Глубокая вера наконец пробуждается в этом возбужденном, некультивированном уме, который в продолжение восьми лет был весь поглощен только одною физическою работой для удовлетворения насущных потребностей, – пробуждается особенно ввиду постоянного беспокойства и одиночества. Робинзона обуревают всякие видения и фантазии; то ему кажется, что след, оставленный на песке, принадлежит самому дьяволу, и он серьезно рассуждает об этом; то под влиянием страшного сновидения он просыпается в ужасе ночью и кается в своих грехах. Он открывает Библию и нападает прямо на стих «Приидите ко Мне все труждающиеся, и Я успокою вас», который, по его словам, «совсем подходит к нему». Увидев колосья дикорастущего ячменя, Робинзон восклицает, что «они выросли чудесным образом, по повелению Самого Бога!» Тут начинается его духовная жизнь; он находит могучую опору в Библии, которая не покидает его, дает ему ответы на все духовные вопросы, возникающие в его уме и сердце, – и он уже не чувствует своего одиночества. В этом отношении Робинзон является совершенным прототипом современного американского *скваттера,* пробивающего себе дорогу, – *в одиночку, с* топором и Библией в руках, – в самых диких лесах «дальнего Запада». При таком душевном настроении, при такой энергии и способности к труду чего только не может сделать человек?

В течение пяти лет после выхода «Робинзона Крузо» появился целый ряд изданий Дефо в том же роде. Это были рассказы о похождениях и подвигах разных пиратов и искателей приключений, вроде знаменитых в то время капитана Авери и полковника Джека; таковы, например, *«Записки кавалера», «Дневник чумного года»,* жизнь известной авантюристки Молль Флендерс, приключения славного своими побегами вора Джона Шепперда, пользовавшегося за свою невероятную ловкость и добродушие большой популярностью среди народа, и так далее.

Кому случалось читать, кроме «Робинзона Крузо», другие его вымышленные описания морских путешествий и приключений на море, тот невольно поражается близким знакомством Дефо не только с географией, но со всеми подробностями судовой жизни, с нравами матросов и даже с техническими деталями морского дела. При всех подобных описаниях он видимо чувствует себя как дома, и никому еще не удалось заметить какую-либо неточность или грубую ошибку в этих морских рассказах. Помимо своего собственного опыта, который был все же незначителен, Дефо, очевидно, почерпал необходимые материалы для своих мастерских картин морской жизни, дышащих реальною правдою, не только из своей библиотеки, заключавшей множество сочинений по части

путешествий и экспедиций знаменитых мореплавателей, но и из личных рассказов самих действующих лиц – смелых авантюристов, которых развелось так много после войны за испанское наследство.

Из названных выше сочинений Дефо особенно выдаются *«Записки кавалера»,* писанные якобы во время войн в Германии и Англии, с 1632 по 1648 год. В длинном заголовке, по обычаю того времени, автор говорит, что они составляют дневник, веденный английским дворянином, служившим сперва в армии шведского короля Густава Адольфа, а потом в войске Карла I во время его борьбы с парламентом. Книга эта выдержала много изданий и неоднократно издавалась как подлинный исторический материал. Простота и реальная правда рассказа не оставляли никаких сомнений во многих читавших его (вспомним знаменитого графа Чатама) в том, что это действительно дневник очевидца и участника описываемых войн. Кроме того, многими авторитетными людьми было признано, что это одни из лучших существующих военных записок. Полемика относительно их подлинности началась чуть ли не с первого появления книги; но тем не менее лучший биограф Дефо, Вильям Ли, неоспоримо доказывает, приводя множество данных *за* и *против,* что знаменитые *«Записки кавалера»* написаны самим Дефо, пользовавшимся при этом каким-нибудь подлинным старинным материалом.

В 1722 году вышла знаменитая в свое время книга Дефо *«Дневник чумного года»,* которая и теперь прочтется с большим интересом. Дефо было четыре года, когда это страшное бедствие разразилось над Лондоном (в царствование Карла II, в 1665 году), и потому он не мог сохранить никаких ясных воспоминаний о чуме, хотя пользовался рассказами очевидцев, вероятно, указывавших ему те местности города, где язва свирепствовала с наибольшею силой. Если к этому прибавить весьма неполные записи об умерших от чумы, которые велись в то время и сохранились в архивах, то мы имеем все материалы, которыми мог воспользоваться Дефо, чтобы написать эту потрясающую книгу. Рассказ ведется от имени некоего Задлера, седельного мастера, проживавшего тогда в Сити, в квартале Олд-гет. По временам он отвлекается от главной темы и пускается в тривиальные повествования о своих личных делах, но это только способствует усилению иллюзии и поддерживает в читателе убеждение, что все описываемые события есть пересказ подлинного очевидца. Ни в одном из сочинений Дефо эта сторона его таланта не выражается с такою яркостью. Неудивительно поэтому, что он ввел в заблуждение даже д-ра Мида, лейб-медика короля, которому тогда было поручено правительством составить доклад о мерах против ожидаемой

чумы, уже появившейся во Франции, и который в примечании к своему докладу между прочим ссылается на *«Дневник чумного года»*. Справедливость требует упомянуть, что Дефо, как видно из появившихся одновременно с «Дневником» статей его о чуме в разных журналах, тщательно изучил этот вопрос, используя все сохранившиеся документальные данные, и что фактическая сторона его книги в общем должна быть признана вполне достоверною. Главной целью автора было обратить внимание общества и правительства на грозящее народное бедствие и доказать, вообще, необходимость точной регистрации умерших от повальных болезней.

В числе книг, изданных Дефо после 1720 года, есть несколько уже упомянутых ранее биографий знаменитых в то время преступников, которые многими читались и раскупались нарасхват. Истина требует, чтобы память великого писателя и честного человека была очищена от всяких несправедливых нареканий, будто в этом случае его побуждала писать страсть к наживе и что, издавая подобные книги, он ради этой цели потворствовал низменным, кровожадным вкусам толпы. Уже в первой главе нашего очерка мы коснулись той испорченности и растления нравов, которые господствовали в высших слоях английского общества в период правления Карла II; все это отчасти перешло и к следующему поколению времен Анны и Георга I; но теперь зараза распространилась среди всего населения, особенно в больших городах, с тою лишь разницей, что в низших слоях утонченные формы порока превратились в кровожадное зверство, уличный разбой и самый цинический разврат. Это было время, когда во Франции свирепствовали шайки знаменитого Картуша, когда в Англии гремело имя не уступавшего ему по кровожадности убийцы и разбойника Джонатана Уайльда и не менее их знаменитый вор Джон Шепперд был героем лондонской толпы, удивлявшейся его многочисленным и беспримерным по дерзости побегам из тюрьмы. Все дороги кишели шайками разбойников, безнаказанно останавливавшими почтовые кареты и убивавшими пассажиров при малейшем сопротивлении; не только в предместьях Лондона, но по большим улицам города нельзя было проехать или пройти, не подвергаясь опасности быть ограбленным; газеты того времени запружены известиями о грабежах и воровстве на громадные суммы. Ньюгейт и другие тюрьмы были переполнены арестантами, и палач едва успевал вешать приговоренных к смертной казни, причем в Тайбурне (место казней) ежедневно собиралась громадная сочувствующая толпа, для которой это было любимым зрелищем. Порок до того проник во все классы общества, что в числе воров и грабителей

сплошь и рядом попадались состоятельные люди из среды буржуазии, фермеры, купцы и даже юристы.

В числе газет, выходивших в то время в Лондоне, был так называемый *«Подлинный журнал»* («The original journal»), издаваемый Джоном Аппльби, бывшим владельцем типографии, в которой печатались все официальные отчеты Ньюгейтской тюрьмы и сведения о заключенных там преступниках. Дефо в течение шести лет, с 1720 года, являлся постоянным сотрудником названной газеты и благодаря этому обстоятельству имел свободный доступ в тюрьму. Знакомясь с арестантами, он не только почерпал самые достоверные материалы для своих книг, но (как то видно из его статей, рассеянных в разных журналах и газетах того времени) стремился насколько возможно способствовать с помощью этих книг нравственному перерождению заключенных. Громадная существовавшая тогда криминальная литература с хвалебными описаниями, подвигов выдающихся воров и разбойников, конечно, задавалась другими целями, совершенно чуждыми Дефо; и в противовес ей он выпустил целый ряд книг, в которых, самым точным образом описывая преступную деятельность этих несчастных, старался через увлекательность своего изложения пробудить в них человеческие чувства и спасти от окончательной гибели тех, которые миновали виселицы и тюрьмы или были только сосланы на американские плантации. Такой именно характер носят все издания Дефо, посвященные жизнеописанию знаменитых преступников. Насколько он успел в этом, невозможно судить по недостатку данных; но во всяком случае память этого человека, подвергавшегося стольким клеветам и гонениям при его жизни, остается чистою с этой стороны.

Возвращаясь в заключение настоящей главы к прославившему Дефо роману, лучше всего характеризующему его деятельность как беллетриста, нельзя не признать, что влияние «Робинзона Крузо» было громадно. Правда, Дефо был лучше знаком с внешней жизнью, чем с сокровенными индивидуальными движениями человеческой натуры, и потому его нельзя назвать писателем, создавшим крупные человеческие типы, – прежде всего он все-таки удивительный рассказчик, – но тем не менее «Робинзон Крузо» подготовил целый переворот в этой области литературы. Подобно тому как «Дон Кихот» Сервантеса положил конец рыцарскому роману и рыцарским нравам, так «Робинзон Крузо» сделал невозможными все господствовавшие до него вычурные, искусственные произведения с их бесцветными придворными героями и героинями. Он стал провозвестником тех новых требований, которые возникли в среде

народившегося теперь в Англии сильного и многочисленного среднего класса, жаждавшего более серьезного чтения с подкладкою реальной жизненной правды, и является родоначальником того реального романа, прочное основание которому через двадцать с лишком лет было положено в Англии Филдингом и Ричардсоном.

Глава VI. Последние годы (1713—1731)

Новый переворот в жизни Дефо. – Его болезнь. – Памфлет Аттербюри и ответ на него Дефо. – Его дальнейшая деятельность как политического писателя. – Новые материалы о последних годах его жизни. – Дефо опять на службе у правительства. – Журнал Миста и роль Дефо в этом издании. – Его изумительная деятельность в последние годы его жизни. – Выдающиеся сочинения этого периода. – Домашняя жизнь Дефо. – Последнее горе и сумасшествие. – Смерть Дефо. – Заключение.

Смерть королевы Анны также отмечает целую эпоху в жизни Дефо. Он сам говорит про себя, что «тринадцать раз был богат и тринадцать раз впадал в нищету, причем не однажды испытал переход из королевского кабинета в Ньюгейтскую тюрьму». Но человеку, последовательно пользовавшемуся доверием двух государей и их ближайших советников, не пришлось в конце концов остаться в неизвестности и бездеятельности и при Ганноверской династии.

Новый король, Георг I, не понимал ни одного слова по-английски и только по слухам мог знать о роли Даниеля Дефо в тот период, когда закладывались основания революции 1688 года, благодаря которой он сам попал на английский престол. Королева Анна, всегда склонявшаяся более или менее открыто на сторону *якобитов* и других сторонников ее изгнанного отца, оставила после себя министерство, состоящее из тори. Новый король заменил их *вигами*, поддерживавшими Ганноверскую династию, и изгнал с коронной службы всех лиц, которые были назначены его предшественниками. В числе других лишился своих занятий и Дефо, который должен был теперь, как и в прежнее время, добывать себе пропитание только при помощи своего пера. Он уже становился стар, не столько по годам (ему было в это время пятьдесят четыре года), сколько от тяжелой работы и под давлением горестей и беспокойств, выпавших на его долю. После смерти Анны он сделался жертвою самой ожесточенной злобы и клеветы своих противников; не раз за неправильно истолкованные памфлеты и газетные статьи, особенно по интригам его многочисленных врагов, ему грозило новое заключение в Ньюгейт. Его друг и первый покровитель, лорд Оксфорд, обвиненный в государственной измене, сидел теперь в тюрьме Тауэра, ожидая суда и смерти на эшафоте.

В самом начале царствования Георга I Дефо, писавший известный

свой памфлет *«Воззвание к совести и справедливости»*, был поражен апоплексическим ударом. Этот сильный мозг и несокрушимая воля сдали наконец под напором новых бедствий, злобной клеветы и постоянных преследований врагов. В течение почти двух месяцев Дефо находился между жизнью и смертью, но его сильная натура восторжествовала над недугом, и он выздоровел. Еще не вполне оправившись от своей болезни и лежа в постели, он опять взялся за перо и выступил энергическим защитником тех самых начал революции 1688 года, которым он не изменял всю свою жизнь и которым теперь угрожала новая опасность.

С воцарением Ганноверской династии *якобиты*, конечно, не могли рассчитывать на какую-либо поддержку при дворе, как то было при Анне, и решились организовать открытое восстание, которое вскоре сосредоточилось в Шотландии; во главе его, как известно, встал потом претендент на престол Яков III. В конце 1714 года, перед самыми выборами, епископ англиканской церкви Аттербюри издал свой знаменитый памфлет *«Совет англичанина своим соотечественникам-избирателям»*, в котором он почти открыто побуждал к восстанию, порицая короля и предавая поруганию либералов как первых врагов церкви и блага народного. Ввиду опубликованной правительством прокламации о розыске автора памфлета и опасаясь ареста, Аттербюри бежал из Англии. При первом появлении этого памфлета, еще больной и лежа в постели, Дефо написал ответ на него, где в самых жгучих выражениях, со своею обычной силой и несокрушимой логикой, доказывал лживость и полную несостоятельность обвинений, взводимых автором на вигов и либеральную партию. Этот памфлет, а также несколько других, изданных им в течение 1715 года под псевдонимом «Квакер», считались до появления биографии Ли последними политическими произведениями Дефо, так как предполагали, что в дальнейшем, начиная с *«Робинзона Крузо»*, он полностью посвятил себя более легкому роду литературы. Между тем, благодаря многолетним исследованиям Ли, этого лучшего биографа Дефо, оказалось, что в последние пятнадцать лет своей жизни он продолжал с прежней энергией заниматься всеми проблемами, волновавшими тогда общество, и, кроме множества неизвестных до сих пор сочинений, выпущенных им за это время по разным общественным и политическим вопросам (Ли насчитывает их более пятидесяти), участвовал еще в шести разных периодических изданиях, часть которых была основана им же самим.

Из них *«Журнал Миста»*, выходивший еженедельно и называвшийся так по имени своего издателя, имел важное значение в дальнейшей судьбе

Дефо, который принимал в нем большое участие. В 1864 году было найдено в Английском государственном архиве шесть писем, несомненно написанных рукою Дефо и адресованных Деляфе, частному секретарю министра Сэндерленда, из которых выяснилось, что после 1715 года Дефо опять поступил на службу к правительству и что деятельность его, хотя и направленная против якобитов и других врагов революции 1688 года, имела не совсем благовидный характер, шедший вразрез с тем, что до сих пор было известно о его прямоте и неподкупной честности. Под видом постоянного сотрудника и переводчика иностранных известий он приобрел большое влияние на Миста – этого издателя заведомо *якобитского* органа. Влияние это сказывалось в том, что Дефо незаметно для издателя, пользуясь полным его доверием и имея в своих руках почти весь литературный материал, поступавший в журнал, смягчал направленные против правительства статьи, вычеркивал в них все резкие места, сам помещал статьи в духе господствовавшей тогда партии *вигов* и превратил таким образом журнал Миста, считавшийся самым крайним органом *якобитов* и защищающий прерогативы королевской власти, в сравнительно безвредный для правительства журнал консервативного направления. Это было время самой горячей деятельности Дефо как журналиста, и в числе упомянутых шести газет, в которых он принимал постоянное участие, находились два органа тори, на характере которых также сказывалось его влияние в духе господствующей правительственной партии. Защитники принципа «цель оправдывает средства», помня при этом, что Дефо поступал таким образом исключительно в интересах своей партии, в конце концов, преследовавшей народные цели, могут отнестись снисходительно к его проступку. Но даже при всей распущенности литературных нравов того времени, при всей страстности, отличавшей тогда борьбу партий, уже потому только, что жертвою обмана был человек, вполне доверявшийся ему, нельзя оправдать Дефо в этом темном деле, которое составляет, во всяком случае, единственное пятно на его безупречной жизни. Впрочем, как видно будет далее, он был жестоко наказан за свой проступок.

Возвращаясь к литературной деятельности Дефо в последние годы его жизни, останавливаешься в изумлении перед невероятной мозговой работой шестидесятилетнего старика. В предыдущей главе уже говорилось о его беллетристических произведениях; одновременно, как мы видим, он принимал самое деятельное участие в нескольких журналах. Между прочим, в *«Журнале Миста»* он первый начал помещать во главе каждого номера письмо к издателю, касавшееся одного из вопросов, наиболее занимавших тогда общество; идея была тотчас же усвоена всеми другими

журналами, и *вступительные письма* Дефо являются, таким образом, предшественниками тех *передовых статей,* которые составляют теперь необходимую принадлежность каждой газеты. В наше время Дефо, наверное, был бы редактором какого-нибудь большого влиятельного ежедневного журнала, вроде *«Times»;* тогдашние же газеты, большею частью выходившие еженедельно, представляли собой жалкие листки, и их во многом заменял *памфлет.* Дефо был мастер этой литературной формы и здесь стоял также во главе всех своих современников.

За весь период между революцией 1688 года и началом царствования Георга II перо не покидало его руки, и не было вопроса, интересовавшего тогда правительство, парламент или народ, которого бы он не касался, со свойственной ему силой и ясностью изложения, в своих бесчисленных памфлетах. При этом следует упомянуть об одном великом достоинстве Дефо, признаваемом и его современниками: при всей господствовавшей тогда разнузданности литературных нравов и политических страстей, он никогда не нападал на слабого или беззащитного. В одном месте издаваемого им ранее *«Обозрения»,* имеющем автобиографическое значение, он говорит про себя, что, «будучи еще дравшимся на кулачках английским мальчишкой, он выучился не бить лежачего».

И за пределами политики, кажется, не было вопроса, который бы не занимал этот многосторонний ум. За двенадцать лет до рождения Адама Смита и за несколько поколений до появления Пиля, Брайта и Кобдена он уже был близко знаком с вопросом о всемирной торговле. В 1713 году, после заключения мира и торгового трактата с Францией, Дефо издал памфлет, в котором распространяется о благах свободной торговли, утверждая, что сокращение и упразднение торговых пошлин должно способствовать расширению торговли, удешевлению всех необходимых предметов потребления и повышению уровня всеобщего благосостояния и что в конце концов только этим путем можно достигнуть всеобщего мира между нациями. В 1728 году в толстом памфлете под названием *«Augusta Triumphans, или Как сделать Лондон самым цветущим городом в мире»* он предлагает целый ряд мер для улучшения состояния столицы. Первая из них – устройство в Лондоне университета, где молодежь могла бы получать высшее образование, не отрываясь от своих родных. Эта идея Дефо, уже тогда являвшегося противником замкнутых полумонастырей Оксфорда и Кембриджа, как известно, осуществлена сто лет спустя с учреждением в Лондоне королевской и университетской коллегий. Борьба с детоубийством путем учреждения воспитательного дома была второй его мыслью. Несколько лет спустя правительством было утверждено подобное

учреждение, основанное известным филантропом того времени, капитаном Корамом, хотя, к стыду англичан, само государство до сих пор ничего не сделало для борьбы с этим страшным общественным злом. Уничтожение частных домов для умалишенных и строгий правительственный надзор за ними – одна из важных мер, рекомендованных в этом же памфлете Дефо. Как известно, не только при существовавших тогда порядках, но и гораздо позднее в этом темном мире творились вопиющие дела; особенно страдали в данном случае состоятельные женщины, которых сплошь и рядом мужья и наследники запирали совершенно здоровых в сумасшедшие дома, чтобы воспользоваться их состоянием и наследством. Предлагаемая мера также стала позже законом, и в парламентском акте по поводу «комитета об умалишенных» многие средства для ограждения от таких злоупотреблений повторяются почти в том же виде, в каком они были предложены у Дефо. Слишком долго перечислять все проекты Дефо, заключающиеся в этой замечательной книжке, но и приведенного вполне достаточно, чтобы видеть, насколько этот человек был впереди своего времени.

В 1726 году вышло его большое сочинение в трех томах *«Путешествие по Англии и Шотландии»*, которое и до сих пор считается ценным историческим и статистическим материалом. В дополнение к нескольким появившимся в 1713 году работам о Карле XII и его войнах в 1723 году была опубликована книга, приписываемая Дефо (подобно многим из его сочинений, она не носит имени автора), под названием *«Беспристрастная история жизни и деяний нынешнего царя Московии Петра Алексеевича»* и проч. Хотя Дефо и видел царя во время посещения им Лондона при Вильгельме III, но эта книга имеет скорее характер исторической компиляции, а не личных воспоминаний. В журналах того времени также встречается несколько его статей о Петре Великом.

В заключение нашего перечня наиболее выдающихся произведений последних лет жизни Дефо следует упомянуть о замечательной его книге *«Брачный разврат»*, вышедшей в 1727 году и касавшейся того самого жгучего вопроса брачной жизни, который был недавно возбужден в «Крейцеровой сонате» гр. Л. Толстым. Книга эта появилась с лишком сто шестьдесят лет тому назад и по существу своему представляет высоконравственное сочинение, смело указывающее на одну из главных язв, разъедавших тогдашнее общество, а основные высказываемые в ней мысли вполне подходят и к нашему времени.

Из сохранившихся писем будущего зятя Дефо, Генри Бейкера, известного в то время физика, который женился потом на его младшей дочери, можно судить о домашней обстановке Дефо в последние годы его

жизни. Письма эти относятся к 1724 году. В это время Дефо пользовался благосостоянием и жил спокойно в своем собственном доме в Ньюингтоне, близ Лондона, окруженный семьею, состоявшею из трех дочерей. Сын его, уже женатый, жил отдельно и также занимался литературой. Бейкер часто бывал у него в доме как будущий жених его дочери и описывает Дефо уже шестидесятишестилетним стариком, страдавшим подагрой и каменною болезнью, но вполне сохранившим свежесть ума и живость приятного собеседника. Большую часть своего времени он посвящал литературным занятиям, а в свободные часы, когда не подвергался припадкам болезни, работал в своем саду. По отзывам Бейкера, дочери его отличались красотой и образованностью. В 1728 году, перед своей женитьбой, Бейкер начал вместе с Дефо издание еженедельного журнала под названием *«Всемирный обозреватель»*, который он после смерти своего тестя продолжал один до 1735 года.

Последний год жизни Дефо был омрачен страшным бедствием, и в этом случае он понес жестокое, хотя, может быть, частью и заслуженное наказание со стороны обманутого им издателя Миста. убедившись в обмане и в той роли, которую играл по отношению к нему Дефо при издании журнала, Мист стал всячески преследовать его и даже раз напал на него со шпагою в руках; к счастью, Дефо удалось обезоружить своего противника. Под влиянием этих постоянных угроз и преследований окончательно измученный, разбитый болезнью семидесятилетний старик лишился рассудка. В ужасе от угрожавшего ему мщения (может быть частью и воображаемого) со стороны обманутого им человека он бежал от своей семьи и скрывался под чужим именем в разных городах Англии, постоянно переезжая с одного места на другое. Наконец в 1731 году Дефо вернулся в Лондон, но прятался при этом в одном из отдаленных кварталов Сити, в Мурфилде, где снял себе комнату. Здесь 12 апреля 1731 года, совершенно одинокий, он умер в припадке *летаргии* на семьдесят первом году своей жизни. Никто из семьи не знал о его местопребывании, никто из близких не закрыл ему глаза; так что он был похоронен квартирною хозяйкой, и оставшиеся после него вещи продавались потом с аукциона, чтобы покрыть издержки похорон.

Как уже было сказано в начале нашего очерка, о деятельности Дефо существуют самые скудные сведения. Может быть, благодаря этому обстоятельству замечательный человек не получил до последнего времени надлежащей оценки даже между своими соотечественниками, большинство которых до сих пор знает Дефо только как автора «Робинзона Крузо», хотя жизнь его тесно связана с историей его страны, а оставленные

им сочинения, – целая библиотека более чем в сто пятьдесят названий, – представляют достаточный материал для правильной оценки его общественной деятельности. О великом значении Дефо как политического и литературного деятеля было уже достаточно говорено нами, и вряд ли оно может подлежать дальнейшему сомнению. Его жизнь и деятельность поучительны и с другой стороны. Этот даровитый многосторонний человек прежде всего интересен как выдающийся тип литературного работника и борца, всю свою долгую страдальческую жизнь непоколебимо отстаивавшего с пером в руке то дело, которое он считал правым. И с этой стороны Дефо представляет довольно редкий пример в литературных летописях, достойный внимания и в наше время.

---

notes

Примечания

1

развратник, повеса; плут, пройдоха (фр.)

2

остротами (фр.)

3

В течение своей жизни он пользовался каждым благовидным предлогом, чтобы создать постоянное войско, с давних пор составлявшее самое ненавистное учреждение для английского народа

4

Так называлась партия англиканской церкви, стремившаяся сохранить преемственную связь, по рукоположению епископскому, с католицизмом, а также некоторые из его обрядностей. Партия эта под тем же названием сохранилась и до сих пор

5

Закон этот, утвержденный еще при Елизавете, требовал, между прочим, от каждого лица, занимающего какую-либо общественную или государственную должность, принять присягу в принадлежности к англиканской церкви

6

Доверитель – доверивший что-либо кому-то *(Словарь В. Даля)*

7

Оксфорд и Кембридж были главными очагами *торизма* и *высокой церкви*

8

иначе (лат.)

9

Якова II уже не было в живых, и претендентом, под именем Якова III, сделался его сын. Как известно, *якобитские* восстания и смуты продолжались еще и во время первых Георгов